

Андрей Посняков

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Андрей Анатольевич Посняков

Генерал-майор

Серия «Гусар», книга 3

Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69221305

Генерал-майор: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»;

М.; 2023

ISBN 978-5-17-156232-8

Аннотация

Лето 1814 года. Герой войны и знаменитый поэт Денис Васильевич Давыдов возвращается в Москву, где происходит череда загадочных преступлений – убийств молоденьких девушек, танцовщиц из балетной школы директора Императорских театров Аполлона Майкова. Однако же все убитые девушки были хорошими знакомыми великого князя Константина Павловича, брата российского императора Александра. За цесаревичем Константином еще с молодости тянется целый шлейф весьма неприглядных дел, выпутаться из которых великому князю поможет именно Давыдов, на самом деле – наш современник, душа которого некогда вселилась в тело гусара и поэта.

Москва, Санкт-Петербург и Варшава – вот где простор для интриг и самых изощренных преступлений... И все это – на фоне «Ста дней» Наполеона Бонапарта! Узурпатор вновь взял трон и замышляет новую войну, не подозревая, что очень скоро его ждет Ватерлоо.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	59
Конец ознакомительного фрагмента.	109

**Андрей Анатольевич
Посняков
Генерал-майор**

© Андрей Посняков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Чья-то тень скользнула позади, в зыбком лунном свете. Тут же где-то рядом мяукнула-закричала кошка. Треснула ветка, взлетела, хлопнула крыльями какая-то большая птица. Сова? Вряд ли. Денис насмешливо скривил губы: что сова делать в Москве? Особенно здесь, недалеко от Хитровки. Местные хулиганистые гавроши давно бы из рогаток прибили да потом продали мясо под видом индюшки.

Нет, никто, конечно, сзади не крался. Просто ветер... птица... кошка... Однако надо и о своей цели не забывать. Денис осторожно выглянул из-за угла и, услышав стук копыт, облегченно перевел дух. Ну наконец-то! Давно пора. Приехали.

Фыркнула лошадь, и на мостовую вывернула с прилегающей улочки коляска легкового извозчика, обычного московского «ваньки». Послышались приглушенные голоса – мужской и женский, точнее говоря – девичий. О чем они там говорили, было не разобрать, а подобраться поближе не имелось никакой возможности – вполне могли заметить. Да что там могли, право же, заметили бы, чай, не слепые. Так что лучше уж так, издалека... Однако же не совсем видно. Кто там? Что за девушка? Танечка? Или кто-то другой? По фигурке вроде похожа... Да они все, балетные, похожи. Все поджарые, стройненькие, быстроногие. Ах, Танечка, Танеч-

ка...

Или не она? Хотя кому ж и быть-то? Представление (кажется, «Слуга двух господ» Карло Гольдони) как раз и закончилось с час назад... Пока переоделась, пока то да се, пока доехали...

Откуда-то сверху вдруг послышался резкий звук, очень похожий на кляцанье взводимого курка! Да не похожий, а точно!

– Ложи-ись! – выскочив, закричал Дэн.

Тотчас же грянул выстрел! За ним – еще один. Судя по всему, стреляли из ближайшего доходного дома... Хотя черт пока с ним, со стрелком! Со всех ног Денис метнулся к упавшей на мостовую девушке. Неужели достал-таки? Но каков меткач! Впрочем, не так уж тут и далеко. Саженой двадцать, не более. И луна, вон, ярко светит, зараза...

– Что с ней? Эй...

– Ой, барин! Кажись, убили дамочку.

– Типун тебе!

Бросив грозный взгляд на извозчика, Денис склонился над телом, всмотрелся, прислушался, потрогал запястье... Несчастная еще дышала – прерывисто, тяжело. Темно-серое платье ее намокло от крови. Весь левый бок...

– Танечка! Танечка... – с болью выкрикнул Дэн... и тут же осекся, разглядев наконец лицо.

На мостовой, у задних колес коляски лежала вовсе не Танечка, а ее подружка – Катенька Изольдова, тоже балетная,

из бывших крепостных графа Аркадия Федоровича Изольдова, с которым Денис Васильевич как-то... Впрочем, это сейчас было не важно.

– Скорей! – Выдохнув, молодой человек со всей осторожностью взял девушку на руки и сердито глянул на «ваньку». – Ну, что стоишь-то? Гони давай к доктору! Или... нет... лучше – в дом.

Из дома уже бежали. Скрипнула дверь, и на улицу выскочили сразу двое – бородатый привратник и злая на вид старушенция в скрипучих башмаках и сером старомодном капоте с дурацкими рюшами, смотревшимися, как на корове седло.

– Господин Давыдов? – ахнула старушенция. – Вы как здесь?

– Случайно, – Денис отмахнулся. – Давайте ее в дом...

– А кто это? Ой... Катерина! Катя... Да кто ж ее?

– Кто-кто, – поднимая девушку, хмыкнул в бороду привратник, такой же коренастый, как и сам Давыдов. – Тут Хитров рынок недалече... Шалят!

Денис покусал усы:

– Но... не из пистолета же!

– А что бы, барин, и нет? – Привратник – звали его, кстати, Прохор – уже заносил раненую в парадное, или, говоря по-московски, подъезд.

Давыдов живо сунул извозчику двугривенный:

– За доктором гони, живо. Пречистенка, десятый дом.

Знаешь?

– Угу...

– Скажешь, что от меня... от Дениса Васильевича Давыдова. Доктор – сосед мой. Звать его Афанасий Михалыч. Уж он не откажет... Ну все, поезжай. Не забудешь, дурья твоя голова?

– Как можно, барин!

Взгромоздившись на козлы, «ванька» обтер руки о фартук и схватил вожжи:

– Н-но, залетная! Н-но!

Зацокали по брусчатке копыта, быстро набравшая скорость коляска скрылась в ночи. Точнее сказать, было уже утро, уже занималась над крышами зыбкая алая полоска – заря.

Между тем несчастную уже внесли в комнаты, в апартаменты, расположенные на недешевом третьем этаже. Да и сам-то дом был не из дешевых, директор Императорских театров Аполлон Александрович Майков снимал здесь комнаты для своих актрис, буде те задержатся вдруг в Первопрестольной, чтоб не тащились по ночи в Кунцево, где в сером, давящей архитектуры доме и проживали воспитанницы балетного училища. Жили, благодаря доброте и протекции Майкова, на полном пансионе, но в строгости, под зорким контролем отставного актера Украсова – истинного цербера, не дававшего девчонкам никакой воли. Так что те, когда вырывались из-под контроля, пользовались короткой

свободою, насколько могли. Иногда – на свою голову, как вот несчастная Катенька.

– Ну, что там с ней? – подойдя к большой, с малиновым балдахинном кровати, шепотом осведомился Денис.

– Похоже, что плохо, барин, – хриплым голосом отозвалась старуха.

Фекла Матвеевна, так ее звали, тоже была из бывших актрис, злющая, как ведьма, ничуть не лучше Украсова. Почему-то именно таких монстров Аполлон Александрович для своих балетных и нанимал. Может, правильно и делал, да.

– Едва дышит...

В старом подсвечнике, потрескивая, тускло горели свечи. Высохшее желтое лицо старухи исказилось гримасою, выражавшей не пойми что, то ли сочувствие, а то ли, наоборот, злорадство, мол, так тебе и надо, твари гулящей, ага!

– Да где же это чертов доктор?

– Тут не доктор нужен, – прошипела Фекла Матвеевна. – Батюшку звать пора.

– Так ты думаешь, она...

– Не жалец, – и старуха желчно усмехнулась. – Вон лицо-то бледное какое, да и глаза закатились...

В этот самый момент Катенька вдруг распахнула глаза – чудные, блестящие, карие – и тихо прошептала:

– Пить...

Фекла дернулась было к стоявшему на тумбочке графину, однако опытный воитель Давыдов перехватил ее руку:

– Нет! Ежели в живот рана, так нельзя ей... Доктора подождем.

– Подождем, – тяжело опускаясь на стул, согласилась старуха. – Прохора я за батюшкой отправила. Отец Илларион. Хороший батюшка, добрый. Здесь, рядом живет.

За окном брезжил рассвет, отражался в стеклах мансард золотисто-алыми сполохами. Уже поднялись дворники, перекрикиваясь, шерудили метлами...

На лестнице раздались шаги – привратник привел батюшку. Отец Илларион оказался еще довольно молодым человеком, судя по виду, ему не было и тридцати. Осанистый, крепкий, с белесой кучерявой бородкою, он чем-то напоминал песенного разбойника Кудеяра... или самого Дениса в его партизанскую бытность, со времен которой всего-то два годка и прошло. Даже еще меньше.

Перекрестив раненую, священник деловито достал из прихваченного с собой саквояжа очки и требник. Однако ничего прочесть не успел – едва водрузил себе на нос очки, как, наконец, явился доктор.

– Здравствуй, Денис Васильевич. Ну, что тут у вас? Где больная? Ах, вижу, вижу... Ну-ка, ну-ка... Что там?.. А посмотрим, посмотрим... Денис Васильевич, ты ведь у нас крови-то не боишься? На вот, ножницы поддержи... сейчас одежду разрежем... Ой-ой!

Осмотрев несчастную, врач покачал головой и, скорбно поджав губы, повернулся к священнику:

– Тут теперь ваши дела, батюшка.

– Что?! Умерла?! – ахнул Давыдов. – Как?

– Да вот так. – Доктор уже громыхал рукомойником в коридоре. – Преставилась, милая. Две пули, две раны: одна – под сердцем, другая – в печень. Странно, что вообще не сразу жизни лишилась. Кто ее так?

– Кабы знать... – поиграл желваками Денис.

– Да что тут знать, барин! – Привратник затряс бородой. – Говорю же, хитровские это. Там, на рынке-то, много всякой шелупони ошивается. А после Бонапартия пистолей да оружия разного на Москве полным-полно стало!

Вот в этом он был прав. После нашествия Наполеона оружие в Москве можно было раздобыть свободно, чем и пользовались разного рода криминальные элементы, обретавшиеся отнюдь не только на Хитровке, но и во всех остальных районах Первопрестольной. И московский градоначальник, и господин обер-полицмейстер Петр Алексеевич Ивашкин с преступностью, конечно, боролись, но больше как-то на бумаге. По отчетам все хорошо выходило, однако по ночам выстрелы гремели постоянно: воровские шайки учиняли прожеж собою разборки, убивали, грабили, словно это не сонная благостная Москва, а какой-нибудь Чикаго времен сухого закона.

– Ну... – Денис Васильевич замялся на пороге, надевая шляпу. – Пойду, пожалуй... Чего уж тут теперь. Жалко Катеньку, да... Фекла Матвеевна, голубушка, ежели вдруг по-

лиция, так знают, где меня отыскать. Пускай припожалуют. Что видел, обскажу. Покуда же – честь имею, господа!

– Подожди, подожди, Денис, – замахал руками доктор. – Я ж «ваньку»-то не отпустил. Вместе поедем.

– Да я уж лучше пешком. – Давыдов тяжело вздохнул и перекрестился. – Пройдусь да хоть немножечко отойду душою. Жалко Катеньку очень. Молодая ведь совсем. Юная. И какая-то сволочь... Найду! Найду эту сволочь! Отыщу! Честью своей клянусь, даю гусарское слово.

Откланявшись, Денис Васильевич вышел на улицу и плотней запахнул сюртук. Хотя и лето, а все же зябко, утро-то раннее. По всей Москве дома по большей части были одеты в строительные леса – жители отстраивались после наполеоновского пожарища. Сразу после заутрени начинали стучать топорами многочисленные плотницкие артели, бежали, таскали кирпичи каменщики, все улицы заплотонили подводы со стройматериалом. Суета. Вот и сейчас уже начиналось...

На Иване Великом басовито грянул колокол, тут же подхваченный колоколами златоглавого Успенского собора и более нежными раскатами собора Василия Блаженного. Благовесту главных храмов тут же вторили с колоколенок всех остальных московских церквей и церквушек, поплыл над городом малиновый звон, хлынул на улицы люд – Первопрестольная просыпалась, плыла навстречу новому дню, солнечному, теплему, летнему.

От такого дня, от такого солнечного, пусть пока и прохладного, но быстро нагревающегося утра и впрямь становилось легче на душе. Хотя, конечно, сильно переживал гусар, Катеньку было жалко. Пусть он плохо знал эту девушку, так, видел пару-тройку раз, однако... Катенька была из балетных, как и безответная пассия Дениса Танечка Иванова. Так вот и Танечку могли... Именно ее-то и поджидал Давыдов, именно ее и думал увидеть... Хоть здесь перехватить, пообщаться. В общежитии-то, в казарме – никак, проклятый цербер Украсов стойко стоял на часах!

Эх... Эх, Катенька, Катенька, земля тебе пухом! Кто ж этот гад, что вот так, запросто лишил жизни милое, безобидное создание? Впрямь ли хитровский разбойник? Впрочем, почему бы и нет? Кому еще-то? Но зачем тогда с крыши палил?

Вот этот дом. Вот – чердак. Денис запрокинул голову, увидев приткнувшиеся с левой стороны дома строительные леса. Никаких рабочих поблизости видно не было, скорее всего, уже закончили свою работу, а может быть, еще даже не начинали. Оглядевшись, Давыдов улучил удобный момент, ухватился за бревнышко и, подтянувшись, вмиг очутился на дощатых подмостках. Постоял, посмотрел, убедившись, что эскапада сия не привлекла ничьего любопытства, снова подтянулся, проскочил, выбираясь на покатую крышу.

На чердаке оказалось не так уж и темно – только что взошедшее солнце било прямо в оконце. Молодой человек при-

шурлился и вдруг, неожиданно для себя, чихнул от попавшей в нос чердачной пыли. Чихнул и машинально выхватил стилет, который всегда носил с собой – вещьца на матушке Москве отнюдь не лишняя, особенно – у Хитровки.

Зря волновался: ни одна тварь ниоткуда не высунулась, не показалось, не возникло ни одного хищного рыла. Никого на чердаке. Пусто. Главное, что и пистолетов-то нигде не видать. Не выбросил их убийца, прибрал... Так ведь не киллер! Да и отпечатки пальцев еще не умели снимать... Уголовного розыска и того толком не было, имелись лишь разномастные полицейские части, капитаны-исправники да следственные приставы (что-то похожее на судебное следствие). Работать «на земле» было практически некому, зато, что касалось начальства, то с этим все обстояло в порядке: имелся и обер-полицмейстер со всей причитающейся канцелярией, и даже отдельное от МВД министерство полиции! Все имелось... Только вот лиходеям плевать на это было.

Да уж, все, как и в начале двадцать первого века, откуда и появился Давыдов Денис, почти полный тезка знаменитого поэта и гусара. Бывший курсант Академии полиции, а ныне – там, в будущем – старший следователь Следственного комитета, майор. Хм, майор... А здесь-то он генерал-майор, однако! Здесь... там... Просто как-то так случилось, что во время спиритического сеанса часть души Дениса оказалась в теле гусара... А потом проклятый лапландский колдун убил душу истинного Давыдова – поэта, – и Дэн оказался вот так

вот, сам по себе. И главное, он же был и там, в будущем... Оставался, да, словно бы ничего и не случилось. Даже сны об этом самом будущем видел. Шизофрения какая-то... Впрочем, Денис привык уже, давно привык и ощущал этот мир своим.

Вот и сейчас он начал осмотр чердака, как учили: слева направо, по часовой стрелке, тщательно фиксируя для себя каждую мелочь, вроде придвинутой к слуховому оконцу скамейки. Скамейка старая, кто-то выкинул... С нее-то, похоже на то, и стреляли. Убийца вот так вот пристроился...

Дэн лег на скамейку, прикидывая, как бы держал в руке пистолет, как бы целился... А ничего сложного! Даже для кремневого пистолета, тем более если стрелок к этому оружию привычный. Внизу – как на ладони все. Однако ночью-то – даже учитывая луну – все по-другому выглядело.

Привычный... Вот именно – привычный. Денис зацепился за это слово. Кто бы мог так вот ловконько с пистолями обращаться? Да кто угодно! Любой дворянин. Начало девятнадцатого века – самое время дуэлей. Правда, пока что больше на саблях, на шпажках. Но и пистолеты в вопросах чести уже применялись, да. Значит, дворянин... Какой-нибудь записной дуэлянт, бретер. Хотя, может, и не бретер, просто военный. И не простой, а кавалерист, именно там пистолы в ходу. Тот же гусар, улан, егерь... Может быть, драгун. Хотя какие драгуны кавалеристы? Так, ездящая пехота, тьфу. Да и пистолеты у них здоровенные. Весом чуть ли не два кило!

Гусары традиционно недолюбливали и презирали драгун... Вот и Денис Васильевич тоже. Вжился, вписался в здешнюю жизнь. Привык.

Итак, либо бретер, либо конник. В набившего руку стрелка-преступника из простонародья Давыдов что-то не очень верил. Нет, такое орудие, как пистолет, отнюдь не для простолюдинов, отнюдь... С другой стороны, с чего он вообще взял, что стреляли из пистолетов? Страхнув с сюртука пыль, Денис в задумчивости уселся на скамейку. Может, кавалерийский карабин? Пули похожи... Да и по звуку... Похоже-то похоже, однако выстрел вышел, по сути, двойной! Один и сразу – другой. Никакой карабин за полсекунды не перезарядишь, нет. А вот пистолеты всегда продавались парами. Парами обычно и носились. Значит, определенно – пистолет, точнее – пистолеты...

Покусав ус, молодой человек поднялся на ноги, продолжая осмотр. Солнце уже поднялось повыше, и на полу чердака, засыпанном для тепла песком, стали заметны следы. Следы достаточно отчетливые... Денис наклонился, рассмотрелся, прикинул... Похоже, что сапоги. Ну да, сапоги, вон и шляпки гвоздиков отпечатались. Модные штиблеты такими гвоздищами не подбивают. Значит, все же военный. Или – простолюдин? Судя по отпечатку подошвы, обувь-то грубая. С другой стороны, грубые рабочие сапоги кто угодно мог купить... И где угодно. Не-ет, следы – это не улика. Вот пистолеты... и ловкость стрельбы... Одно к одному, убивец

– человек воинский. Всенепременно – воинский, да.

Слева, ближе к узенькому лазу, ведущему на крышу, виднелась большая рассохшаяся бочка с покосившимися ободами. Кто ее сюда приволок, когда и зачем – бог весть. Может, песок для подсыпки хранить, может, еще зачем...

Давыдов подошел, наклонился, посмотрел, протянул руку... Так и есть – полбочки песка еще осталось.

– Хороший песок, однако. В какой-нибудь Анталье на пляже не отказались бы от такого песка... – Хмыкнув, Дэн перевел взгляд и тут же застыл, словно почуявший близкую добычу зверь!

Сразу за бочкой валялась дорожная сумка. Матерчатый такой саквояж, довольно объемистый, из тех, что обычно берут с собой в дорогу коммивояжеры средней руки. Лежал саквояж странно – на боку, криво. Видно было, что его не просто поставили, а бросили кое-как, впопыхах. Убийца спешно ретировался? Или все наоборот, своим появлением он кого-то спугнул, какого-нибудь местного клошара? Впрочем, что гадать?

Хмыкнув, молодой человек перенес находку на скамью – под свет, раскрыл и невольно ахнул: на дне саквояжа тускло блестели литые свинцовые шарики. Пули! Было их числом около дюжины, да еще оставалось место для бумажных патронов с порохом и порохового же туюска – на пистолетную полочку натрясти, для затравки.

Аккуратненько разложив находки на скамейке, Давыдов

обшарил и нашитые на саквояж боковые карманы, в коих обнаружили два коротких шомпола и промасленная ветошь.

– Набор «Юный стрелок»! – довольно хмыкнул Денис. – Интересно, что же он пистолеты не выбросил? Пожалел? Или все же выбросил, если от кого-то бежал... Следы, следы! Еще бы поискать надобно.

Денис Васильевич исползал весь чердак, испачкав свои модные французские панталоны и сюртук, однако – напрасно. Кроме тех, первых (сапожных) следов и своих собственных никаких иных отпечатков на чердаке не имелось.

– Что же он, привидения испугался? Впрочем, почему «он»?

Действительно, почему? Убийцей вполне могла быть и женщина. Женщина, хорошо умеющая стрелять, после двенадцатого года не редкость. И не только в Москве, по всем западным губерниям. Как вот, к примеру, Сонечка... Уж та стреляла, дай бог любому драгуну!

Сонечка... Вспомнив свою прежнюю страсть, Давыдов взгрустнул. При расставании, случившемся не так уж и давно, Софья сказала ему твердое «нет». Да Денис и не настаивал, понимал, что юная леди совершенно права. Бывшей крепостной, шалившей когда-то по лесам, лучше было затеряться, выйдя замуж за не шибко умного стареющего помещика (такой как раз имелся на примете, и Сонечка вовсе не собиралась упускать свой шанс). Не о себе думала – о сыне, и Денис Васильевич ее хорошо понимал... И все же ра-

на еще бередила сердце, даже несмотря на встречу с новым солнышком, прелестной Танечкой Ивановой. Положа руку на сердце, влюбчивым был Денис, ох влюбчивым!

Кстати, и Танечке вполне могла грозить нешуточная опасность! Ведь только что убили ее пусть не близкую, но подругу. Может, это маньяк? Может, он вообще убивает только балетных?

Устало глянув на оставленные улики, новоявленный сыщик распахнул ведущую на чердак дверь – кстати, приоткрытую – и вот там-то, на лестнице, обнаружил следы! Кто-то выпачкал лестницу черной липкой грязью... Стоял? Стала открываться дверь, и она скрипнула, вот как сейчас!

Убийца как раз только что произвел выстрелы, и перезарядить пистолеты не успел. Потому, исполнив свое черное дело, просто решил ретироваться, что с успехом и проделал, судя по всему. А пистолеты выбросил по пути... или, скорее, их подобрал тот, кто спугнул. Ага, как же! А где же тогда следы? Черт...

Тщательно осмотрев дверь, Давыдов погладил ладонью косяк, едва не зацепив занозу!

– А щербатинка-то свежая! – задумчиво протянул Дэн. – И, судя по следам, неведомый незнакомец здесь стоял... Уклонялся! От брошенных пистолетов! А что? Пистоль около двух кило весит, при удачном броске кого угодно можно на тот свет отправить. Ну или уж по крайней мере голову пробить, ага. Верно, так все и было... Что же доброхот сей

за убийцею не погнался? Может, просто выскочил на улицу? Знал, где убивец выберется... Ну да, у лесов! Где же еще?

Прихватив найденную на чердаке добычу, Денис Васильевич как ни в чем не бывало спустился по лестнице на улицу, вполне справедливо полагая, что московские власти вряд ли оставят без последствия сие страшное дело, уж Аполлон Александрович Майков об этом позаботится! Останется лишь поделиться своими догадками с полицией, как и полагается всякому добропорядочному обывателю. Ну не самому же поквартирный обход делать? Генерал-майору сие как-то не пристало, на то нижние полицейские чины имеются.

Кликнув проезжавшего мимо «ваньку», Денис Васильевич велел ехать домой, на Пречистенку, да особо не гнать. Бравый гусар, не так давно возвратившийся из Парижа, все никак не мог насмотреться на красавицу Москву. Первопрестольная изрядно пострадала от пожара и бесчинств наполеоновской армии, но нынче возрождалась прямо на глазах, хорошела, становилась все краше и краше. Закопченный Кремль все еще хранил следы пожарища, однако разрушен все же не был, что же касается остальной Москвы, то почти вся она стояла в лесах.

Домом Давыдовых на Пречистенке нынче заправляла сестра Дениса Сашенька, особа еще незамужняя, но весьма умная и деятельная. Матушка же Елена Евдокимовна скончалась около полугода назад, батюшка покинул сей бренный

мир еще раньше.

Слух о возвращении Дениса (считавшегося вообще-то в отпуске) весьма быстро пронесся по всем друзьям-приятелям гусара и поэта, который и сам немало способствовал этому, первым делом навестив старого своего друга князя Петра Андреевича Вяземского. Когда-то именно там, в старинном особняке Вяземских, заседал таинственный литературный кружок, именуемый дружеской артелью. Главную скрипку там, естественно, играл Давыдов, князь же Петруша считался еще поэтом неопытным, молодым и во все глаза смотрел в рот своему именитому другу. Окромя всех прочих в артель входили и другие, известные на Москве (и не только) люди: редактор «Вестника Европы» Василий Жуковский, поэты Константин Батюшков, Василий Пушкин и даже записной дуэлянт, картежник и гуляка граф Федор Толстой, за свои зарубежные эскапады прозванный Американцем. Личность, к слову, та еще: поговаривали, что он нечисто играет, да граф и сам не скрывал этого, похваляясь в узких дружеских кругах, что всегда играет наверняка, что лишь дураки надеются на счастье. Как бы то ни было, все же Американец был широк душой, образован и в своих друзьях души не чаял. Он-то с неделю назад и навестил Дениса сразу же по возвращении из Петербурга, где, по словам Вяземского, «таскал за броды охтинских купцов».

Нет, граф Федор не вошел и даже не вбежал в дом друга – он туда ворвался, влетел, шумный, лохматый, радостный:

– Ай, Денис, Денис! Как же я рад! Ну как же! А ты что тут сидишь, киснешь? Это не дело, брат. А ну-ка, давай-ка, на гульбище!

– Да устал я уже от гульбищ, – пряча улыбку, отмахнулся Давыдов.

– Устал? Ну и ладно. – Американец покладисто махнул рукой и тут же вновь засверкал глазами. – Тогда мы вот что... Тогда мы по искусству вдарим! Надеюсь, ты не против искусства?

– Да вообще-то не против.

– Тогда одевайся! Тотчас едем к Майкову, в Кунцево. У него там такие терпсихоры обитают, у-у-у!..

Так вот и оказался Денис Васильевич в загородном доме директора Императорских театров Аполлона Майкова. Прямо во дворе дома, точнее сказать – в саду, был выстроен бревенчатый домашний театр, где Давыдов впервые увидел Танечку. Тоненькая, с пепельно-дымчатыми волосами и густо-зеленым взором, она сразу же пробила насквозь трепетное сердце гусара.

Не отрывая взгляда от танцующей юной нимфы, Денис только и смог, что немеющими губами шепнуть, спросить:

– Кто это, Федя?

– А! Эта? Это Танечка Иванова, – ухмыльнулся граф. – Между прочим, наша новая балетная звезда!

– Вот как... А... А ты меня ей представишь?

– Всенепременно! О, да ты поплыл, друг.

Так вот и ворвалась в сердце Дениса новая пылкая любовь. Тут же сложились и стихи, словно сами собою:

Я – ваш! И кто не воспыхает?
Кому не пишется любовью приговор?
Как длинные она ресницы подымает,
И пышет страстью взор.

Страсть страстью, однако отношения между молодыми людьми пока что оставались чисто платоническими. Майков очень уж сильно берег своих воспитанниц, почти никуда не отпускал. Да и Танечка, к слову сказать, оказалась девушкой чистой и честной, к тому же в те времена было не принято форсировать события.

Вот и томился Денис, вот и ждал, нарезая круги вокруг старого серого дома, казармы, где под строгим приглядом цербера Украсова и проживали юные воспитанницы театрального училища. Да что там говорить, даже на репетиции девчонок возили в специальном возке, в «воронке», как прозвал его Дэн. И нужно было еще постараться улучшить момент, чтобы свидеться, шепнуть что-то нежное, дотронуться до руки, передать небольшой подарок... Утешало лишь то, что все еще только начиналось.

Вернувшись домой, погруженный в невеселые мысли Денис еще не успел отобедать, когда внизу слышались шум, хохот, и громкий голос Американца оторвал гусара от софы:

– А-а-а! Он еще и валяется! Поди, не вставал?

– О, Федя! – слабо улыбнулся Дэн. – А мы как раз обедать собрались. Давай с нами.

– Обедать? Ой, брат! – изобразив на лице конфуз, граф подмигнул хозяину. – Я тебя сам хотел обедать позвать. За тем и явился. Знаешь, какой мне пирог прислали из Страсбурга? Не знаешь! И не можешь знать. Едем же скорей, отведаешь... и не только пирог.

Последние слова Толстой произнес едва слышно, ибо в комнату как раз вошла Сашенька:

– Ой, граф! Оставляйтесь с нами обедать.

– Да я ж, милая Сашенька, к стыду своему, братца вашего к себе отобедать зову.

– На какой-то там пирог, – вскользь добавил Давыдов.

– Да! На пирог!

Уж такой человек был граф Федор, что ему ну никак невозможно было противиться, решительно никаким образом! Уговорить Американец мог любого – уговорил и Сашеньку отпустить братца, поддался на уговоры и Денис.

– Ну, ладно, езжайте. Только смотрите, недолго.

– Ах, Сашенька, душа моя! Великое вам мерси.

* * *

Граф Федор Американец Толстой проживал в небольшом особнячке в переулке Сивцев Вражек. Когда-то там по

дну оврага (вражка) протекала небольшая речка, прозванная Сивкой за сивый, грязно-серый цвет воды. Речка сия впадала в знаменитый ручей Черторый, вокруг которого испокон веку селились всякого рода ярыжки, торговцы краденым, литературные критики и прочего рода лиходеи. В сем недобром местечке (как говаривали в старину – на Чертолье) всякому честному человеку опасно было появляться и днем, что уж говорить о ночи! Сколько трупов было сброшено в Сивку да в ручей, один черт ведает! Ныне же о тех страшных временах уже ничего не напоминало. Речку Сивку еще до войны с Бонапартом заключили в трубу, овражек засыпали, лиходеи как-то перевелись... ежели не считать таковым самого Американца, а такого мнения придерживались многие.

Обещанный графом Федей пирог оказался не так вкусен, как велик, размерами примерно с тележное колесо, уж никак не меньше. Пока с ними управлялись, выпили с пол-ящика красного «Шато-Рез». Выпили, конечно, не на двоих. Кроме «сердечного друга Дениса» Американец позвал еще нескольких господ, из коих Давыдов знал лишь князя Петрушу Вяземского – с ним и облобызались, с остальными же Денис Васильевич поздоровался учтиво, но весьма холодно, ибо заметил среди них одного человечка, о котором ходило по Москве много нехороших слухов, правда, куда меньше, чем о том же Американце. Однако граф Федор, несмотря на все свои недостатки, все же был душа-человек, а вот этот...

Звали его Николай Эрдонов, и был он то ли князь, то

ли граф, то ли чей-то внебрачный сын. Высокий, красивый брюнет с узенькими усиками, он казался вполне комильфо, правда, глаза подкачали: слегка навывкате, серо-голубые, бесцветные, как у снулой рыбы, они вовсе не лучились дружеским, скорее наоборот, искоса бросаемые на полужнакомых людей взгляды казались какими-то гаденькими, липкими. Может быть, оттого, что, по слухам, сей господин устраивал у себя дома некие таинственные и чрезвычайно мерзкие оргии, о которых было не принято говорить вслух. Впрочем, мало ли что болтали? Вон, Американец – тоже любитель оргий, еще тот черт! Кстати, не для оргии ли он всех сюда и собрал? Ну да, ну да, одни мужчины, без женщин... Ах, наверняка, наверняка что-то такое будет... Не на страбургский же пирог все пришли?

Что ж, в мыслях своих Денис отнюдь не ошибся. Нет, поначалу все шло вполне себе пристойно: после красного вина открыли шампанское, а потом все как-то плавно перешли на водку.

– А выпьем-ка, друзья, за славную нашу победу!

Ну кто ж откажется за победу выпить? Правда, можно было бы уточнить, за какую именно, но как-то уж обошлись без занудства.

После третьей стопки князь Петруша Вяземский вдруг поднялся на ноги, с шумом отодвинув стул, и, конфузливо шурясь, вытащил из внутреннего кармана сложенный вчетверо бумажный листок:

– Я тут это... кое-что набросал, господа... Тебе, Денис Васильевич!

Денис не успел и слова молвить, как Американец уже захлопал в ладоши:

– Вот это славно! Вот это – давай! Давай, давай, Петро, не тушуйся!

Молодой человек откашлялся и с выражением прочел:

Давыдов, баловень счастливый
Не той волшебницы слепой,
И благосклонной, и спесивой,
Вертящей мир своей клюкой...

Князь Вяземский, к слову, был тот еще графоман, однако эти его стихи Денису очень понравились. Особенно фраза «бесстрашный в ратном поле, застенчив при дверях вельмож». Да, наверное, так оно и бывало... иногда...

– Ну, ты уж и скажешь – застенчив... – рассмеялся граф Федор. – Это Денис-то? Ну-ну...

Между тем растроганный до глубины души Давыдов тут же вскочил и, обняв молодого князя, высказал ему всю свою признательность, предложив выпить за дружбу и за друзей.

– Вот это замечательный тост! Славный! – Американец первый же и поднял бокал.

Все выпили, после чего обласканный аплодисментами пийт откланялся, сославшись на дела.

– Какие такие дела? – начал было Толстой.

Однако ж Вяземский остался непреклонным:

– Да вот, дела, брат. Матушка с загородной дачи едет...

Надобно встретить, да так... То да се...

– А, ну раз матушка... И все же! На самом интересном месте, друг!

И впрямь на самом интересном... После ухода Вяземского пошло-поехало! Проводив молодого князя, хозяин вальяжно хлопнул в ладоши и предложил гостям пройти в его домашний театр. Прямо так и молвил: «В мой домашний театр, мол, добро пожаловать! Антре, сіль ву пле!»

У Давыдова – а, впрочем, не только у него одного – от удивления глаза на лоб полезли. Ну, Федор, ну, собака, силен! Вот, говорят, бретер, авантюрист, шулер, а поди ж ты, театр свой завел, меценат хренов. Новый Майков, однако...

Гости тоже перешептывались, с интересом поглядывая на графа, а уж тот просто млел от удовольствия, нежился, словно мартовский кот на солнышке, – и правда ведь произвел фурор. И пусть театр оказался всего лишь не шибко-то большой залой с несколькими креслами для зрителей и запрятанной под синей бархатной портьерой сценой, пусть... Все же это был самый настоящий театр!

– Тысяча курток для папы Карло! – забывшись, восторженно бросил Дэн.

– Каких-каких курток?

– Сбылась мечта Буратино, ага! Да не бери в голову, Феденька. Скажи-ка лучше, что там у тебя за спектакль?

– А вот увидишь! Вы все увидите. Вот прямо сейчас.

С важностью записного конференсье Американец подмигнул собравшимся и, махнув рукой, крикнул куда-то за сцену:

– Начинайте! Commencez! Je vous en prie!

Появившиеся непонятно откуда слуги задернули плотными шторами окна, по обеим сторонам сцены трепетно зажглись свечи. За портьерою, в глубине сцены, глухо зарокотал барабан, ему принялась вторить флейта, и под бравурную трель рояля, наконец, медленно раздвинулся занавес, явив взору гостей очаровательную юную нимфу. Гибкое, тронутое золотистым загаром тело нимфы прикрывала лишь коротенькая греческая туника, голову украшал длинный голубой парик, забранный серебряным обручем. Этакая Мальвина!

Денис хмыкнул: ну так и есть, «Приключения Буратино» начинаются. И граф Федор Толстой – в роли Карабаса-Барабаса, а прилизанный красавчик Эрдонов... Дуремар, наверное.

Между тем юная красавица начала свой танец, поднятые вверх руки ее изогнулись, все тело словно пробежало волною, коротенькая туника дернулась, едва не спала с плеча. Барабан и фортепьяно прибавили темп, быстрее засвистела флейта... Девушка закружилась в танце все более чувственно и страстно. Вот музыка стихла на миг, а нимфа все танцевала, слышалось лишь шлепанье босых ног, пока, наконец, танцовщица, согнувшись, уселась на самом краю сцены, низ-

ко опустив голову и обхватив колени руками. Собравшийся в зале народ вспыхнул аплодисментами.

И снова ударил барабан! Резко, отрывисто, словно подавал сигнал тревоги. Визгливо дернулась флейта. Задребезжал рояль. Юная красавица прыжком вскочила на ноги, принялась метаться по сцене, изображая какую-то тревожность. В танце ее слышалась теперь какая-то дикость.

Музыканты опять убыстряли ритм, девчонка кружилась, прыгала, летала... Вот остановилась – показалось, будто зависла в воздухе – сбросила парик, а за ним и тунику, явив восторженным зрителям великолепное стройное тело... Поклонилась... застыла... Музыка оборвалась. Портьера закрыла сцену... Взорвалась бурными аплодисментами зала.

– Вот так красавица!

– Где вы отыскиали этакое чудо, граф?

– Да-да, право же – чудо. Шарман!

– C'est merveilleux! Délicieux, messieurs!

– О, поистине чудесно, чудесно.

Американец стоял у портьеры, скрестив на груди руки, и загадочно улыбался. Постоял этак – позер! – верно, никак не меньше минуты, а потом все же смиростивился, пояснил кое-что. Девчонка – Ульяна Семенова – конечно же, оказалась из балетных. Только из частных балетных, из крепостных графа Шувалова... Вообще поговаривали, что она – шуваловская внебрачная дочь. Однако, как бы там ни было, граф сию девушку дочерью не признал, но кое-какое по-

кровительство оказывал, вот велел танцам учить...

– Так что вскорости зажжется у Майкова еще одна звездочка, – весело объявил Толстой. – И к будущему успеху ее, который, несомненно, будет, как видите, руки приложил и ваш покорный слуга. Рад, если понравилась.

– О, конечно, понравилась! – Фанфарон Эрдонов всплеснул руками. – Этакая *petit bonbon*, маленькая конфетка. Интересно, что же она на поклоны так долго не выходит? Переодевается? Так могла бы и голенькой выйти... Верно я говорю, господа?

– Да, да, князь, вы, как всегда, правы!

– Пусть выйдет, ага! Граф, сделайте милость, поторопите!

Американец лишь развел руками:

– Увы, господа, не выйдет. Наша нимфа уехала.

– Уехала? Как? Уже?

– Уже, уже... Сие одно из условий нашего с ней соглашения... Впрочем, если хотите, я ее приглашу еще раз.

– О да, да, обязательно пригласите, любезнейший граф!

– И нас не забудьте позвать.

Сомнительный князь Николай Эрдонов, привалясь спиной к колонне, хмыкнул и негромко пробурчал себе под нос:

– Кажется, не такая уж и недотрога эта Ульяна. Кажется, где-то я ее уже видел, и не раз. Ах, граф, граф, как всегда, водит нас за нос, ага.

– А у меня для вас еще кое-что приготовлено, господа! – хлопнув в ладоши, громогласно провозгласил Толстой. – На-

стоящий итальянский маг и провидец синьор Джакомо Джакометти! Может общаться с духами мертвых и еще кое-что...

– Маг?

– С духами мертвых? Да что вы говорите, граф!

– А что? Кто хочет узнать свое будущее? Правда, не совсем даром... Прошу, прошу, господа.

Давыдов даже не вздрогнул. Подумаешь – маг. Наверняка какой-нибудь заезжий шарлатан. Сейчас облапошит дурачков за их же деньги. Кстати, Американец наверняка с ним в доле, не зря притащил.

– Денис, – улучив момент, хозяин усадьбы подхватил Давыдова под локоть, – ты пока на мага смотреть не ходи...

Давыдов про себя хмыкнул: так ведь и знал, что шарлатанство!

– У меня подарочек для тебя, как говорят французы, презан... Ульянка тебе понравилась, вижу... Запал на нее? Ну, признайся, запал?

– Ну, запал, – со вздохом согласился гусар. – А кто тут не запал-то?

– Вот! – Подмигнув, Толстой повлек приятеля в анфилады. – Вот, брат, так и знал, что тебе понравится, да.

– Да что понравится-то?

– А увидишь! Я-то сейчас к гостям, мага представлю. А ты, дружище, за слугой моим, за Алеутом иди. Алеут!

Алеутом звали доверенного слугу графа, смуглого раско-

сого парня, скорее всего, башкира или киргиза, никаким алеутом он, конечно, не был. Верно, Толстой прозвал его так в память о своих американских приключениях.

Хлопнув Давыдова по плечу, Американец со смехом исчез. Алеут, одетый в голубую с золотой каймою ливрею, подойдя, молча поклонился и сделал приглашающий жест.

— Ну что же, — пожал плечами Дэн. — Веди, житель степей, островов и прерий! Посмотрим, что там у вас за «прэза́н».

Он, конечно, догадался. Ну еще бы! Ну ясно же было уже. Конечно же, вот она!

Юная танцовщица ожидала в алькове, сидя на широкой софе, обитой темно-зеленым сафьяном. Рядом с софой томно курился кальян. Девушка уже была одета все в ту же коротенькую тунику, в которой только что танцевала... Хотя нет, та держалась на двух плечах, эта же — на одном, едва прикрывая грудь, очень даже красивую, налитую. Густые светло-русые волосы нимфы были подстрижены до плеч, волнующе-томные синие глаза обрамляли темные пушистые ресницы, губки растянулись в улыбке, на щеках играли ямочки, а над верхней губой слева виднелась едва заметная родинка, придававшая красивому личику девушки особый пикантный шарм.

— Bon soir, мадемуазель, добрый вечер. — Учтиво поклонясь, Денис поцеловал девушке ручку, невольно задержав взор на одетом на запястье браслетике, очень изящном, золотом и, скорей, даже не в греческом, а в египетском стиле.

Египет вообще стал в большой моде в Европе после знаменитого похода Наполеона в одна тысяча семьсот девяносто девятом году. С той поры древности сии из моды не выходили. Ну да, вон иероглифы и рисунок: женщина с головой змеи. Голова изображена в характерном для Древнего Египта стиле: само лицо – в профиль, а вытянутые глаза – в фас.

Историю Древнего мира Дэн изучал в Академии на втором курсе, пусть факультативно, но от души, так как имелся сильный интерес. Вот сейчас и вспомнилось, всплыло из глубин подсознания: змея с головой женщины, или женщина с головой змеи. Богиня Мерт. Или, точнее, Мерт-сегер, хранительница покоя мертвых.

Интересно, откуда такой дивной красоты вещица? Ну, мало ли... Если папаша – богатейший граф, то понятно, откуда. Или какой-нибудь поклонник подарил... Типа Американца. Ага! Этот подарит, как же!

– Et en fait, une belle soirée, mon général! Прекрасный вечер. – Ульяна улыбнулась еще милее. – Садитесь же рядом, что вы встали? Хотите кальян?

Мон женераль... Однако!

– Вы знаете, кто я?

– Знаю, – кивнула танцовщица. – Граф Федор рассказал. Он неплохой человек, этот Американец. Правда, слишком уж любит совать свой нос в чужие дела.

– Да уж, водится за ним такое, – усаживаясь, коротко хохотнул Денис.

Действительно, за окнами уже занимался чудеснейший летний вечер, спокойный и теплый, вернее, даже еще не вечер, а то самое время, которое французы называют «апре миди», «после полудня».

Взяв в руку носик курящегося кальяна, танцовщица втянула в себя дым и, чуть прикрыв очи, томно глянула на Дениса:

– Ну! Курите же!

Давыдов затянулся... Сразу же запершило в носу, так что молодой человек не удержался и чихнул, к вящему веселью Ульяны.

– Ой, знаете, я от кальяна тоже иногда чихаю! – всплеснув руками, сообщила та. – Вы сильно так не затягивайтесь, не надо... Медленно надо, вот так... Давайте, я покажу...

Их щеки соприкоснулись, и тут же возник поцелуй – обоюдно страстный, горячий, долгий. Теряя голову от нахлынувшей страсти, Дэн погладил танцовщицу по плечу, тронутому нежным золотистым загаром, затем рука гусара спустилась ниже, поласкала лопатки, спинку...

Девушка улыбнулась, поднялась и, без всякого стеснения сбросив тунику, снова прильнула с поцелуями, увлекая, укладывая Дениса за собой на софу. Лежа уже, гусар принялся гладить ладонями стройные девичьи бедра, жадно поймал губами крепкий, налившийся любовным соком сосок. Раздевая Дениса, танцовщица застонала, закусил губу, а руки гусара уже ласкали пупок, уже спускались все ниже и ниже,

пока юная прелестница не оседлала его, а дальше лишь слышались стоны...

Пусть и не скоро, но все же неземное блаженство закончилось.

– Мне пора, – одеваясь, очаровательно улыбнулась Ульяна. – Проводишь, мон женераль?

– О, конечно! – Поспешно застегнув гарусный, с перламутровыми пуговицами жилет, Давыдов надел сюртук. – Я готов!

Прелестница же быстро облачилась в довольно скромное серенькое платье, водрузив на голову шляпку с вуалью.

– И я готова. Пошли. Там, в саду, коляска. С хозяином я уже попрощалась.

– Мы еще встретимся? – спросил Денис, галантно придерживая дверь.

Танцовщица расхохоталась:

– Может быть. Наверное. О! Ты только позови меня, мон женераль.

– Но где тебя найти?

– Граф Федор, Американец, знает.

Юная нимфа оказалась довольно распутной девчонкой, по нынешним-то временам – и вообще! В постели знала много чего, много чего умела. Вот уж точно не деревенская, с опытом! И где только его получила? А ведь на вид – сама невинность.

Странно, но эта распущенность, это распутство Ульяны

ничуть не отвращало Дениса, словно бы к этой несколько взбалмошной и веселой красотке не липла никакая грязь. Девушка хотела секса – и получала. Что в этом плохого-то? Правда, на определенные мысли сия распушенность наводила... И, похоже, не только одного Давыдова.

Проводив девушку до коляски, дожидавшейся в самом конце сада, и заранее распахнутых ворот, Денис уже направился было обратно к дому, как вдруг услышал позади голоса... Кто-то ругался! Кричал! Резко обернувшись, гусар увидел у коляски сомнительного князя Эрдонова! И как только он там оказался, прилизанный черт? Подкрадывался? Следил? Да мало того, что следил! Еще и схватил Ульяну за руку, вывернув ее, а затем хлестко ударил по лицу зажатými в левой руке перчатками.

– Шлюха малолетняя! Место свое знай.

Бородатый кучер не слезал с козел, лишь пытался уладить дело словами:

– Вы это, осторожней, ваш-бродь.

А вот Денис медлить не стал! Шлюха? Пусть так... И что с того?

– Бить женщину – мерзость, Эрдонов!

– Ах... Это вы...

Князь отнюдь не смутился и даже посоветовал Дэну не лезть не в свое дело.

– Поверьте, мы сами разберемся... Верно, ты?..

Последняя часть фразы предназначалась Ульяне. И та за-

кивала, сдерживая рыдания:

– Да-да, разберемся. Вы ступайте, Денис.

Давыдов лишь зло усмехнулся:

– Не знаю, какие там промеж вами дела, но бить при мне женщину – оскорбление! И не только ее – меня. А ну отпустил ее, черт, живо!

– Ага! Сейчас!

Грубо оттолкнув танцовщицу, Эрдонов выхватил из кармана нож... и тут же получил от Давыдова кривой в челюсть! В Академии полиции Дэн по боксу был одним из лучших. Как славно обидчик девушек полетел в кусты! Застонал, но выскочить обратно побоялся... Лишь промычал:

– Жду вас завтра... Смыть оскорбление...

– Дуэль? – рассмеялся Денис. – Что ж, извольте. Дуэль так дуэль. Надеюсь, пистолеты у вас имеются? Да, и незачем куда-то далеко ехать. Встретимся здесь же, в саду. В полдень устроит?

Эрдонов что-то прорычал из кустов – наверное, соглашался. Сей сомнительный князь имел репутацию бретера, однако и Денис Васильевич не капусту на кухне шинковал.

* * *

Войдя в дом, Давыдов столкнулся на лестнице с Федором.

– А-а! Ты – вот он, – зашумел тот. – А я тебя ищу везде. Кстати, как девочка? Хороша? А! То-то же! Ну, пошли, по-

шли, познакомлю тебя с магом. Истинный провидец, Христом Богом клянусь! Из Милана. Явился к нам в Первопрестольную, да не один, а – тссс! – с великим князем Константином!

– Константин Павлович в Москве? – удивился Денис. – Что-то в газетах не писали.

– И не напишут. – Американец покивал головой со всей возможной серьезностью. – Цесаревич здесь тайно. С частным визитом, о чем знает весьма ограниченное число людей. Ну да бог с ним... Идем, дружище, идем!

Маг и провидец Джованни Джакометти оказался стройным блондином лет сорока с вытянутым лицом и желтыми прокуренными зубами. Он ничуть не походил на итальянца, обликом скорее напоминая какого-нибудь норвежца или шведа. Держался «маг и чародей» весьма уверенно, одет был солидно, а голос имел приятный и звучный. Этаким хорошо поставленный баритон. Вполне к себе располагал, вполне... Что и понятно – мошенник. Ну, любил Федор Американец подобного типа людей.

Все уже разошлись, и провидец отдыхал, сидя в кресле.

– Buon giorno! – Заметив хозяина с припозднившимся гостем, маг поднялся на ноги. – Добрый день.

– Скорей уж – добрый вечер, – глянув в окно, усмехнулся Дэн. – Buona sera, синьор. Вы, говорят, из Милана?

– Из Бергамо... – Итальянец скромно потупился. – Такой городок. Недалеко.

– Знаю, знаю. – Давыдов неожиданно улыбнулся, по приглашению графа усаживаясь за стол. – Карло Гольдони, «Слуга двух господ». Труффальдино из Бергамо, так, кажется.

– О, си, си, синьор! Да! Мне тоже нравится эта пьеса. Grande! Grande! Perfetto!

– Да уж, Константин Райкин в роли Труффальдино хорош... – Дэн тут же осекся, сообразив, что сморозил не то. До фильма-то еще ого-го... Пока только пьеса.

– Так вы хотите узнать свое будущее, уважаемый синьор Давыдофф? – пододвинув кресло к столу, вкрадчиво осведомился провидец.

Говорил он по-русски очень хорошо, безо всякого акцента, что опять-таки наводило на вполне определенные мысли. Впрочем, мог и выучить, тем более если давно в России.

Денис улыбнулся и постучал пальцами по столу:

– Знаете, хотелось бы – прошлое.

– Проще? – моргнув, удивленно переспросил маг.

– Проще, – подтвердил гусар. – Сможете прояснить кое-что?

Подумав, синьор Джакометти вальяжно развел руками:

– Что ж, прошлое так прошлое. Никакой разницы нету. Проще, будущее... Река времени, вот и все.

– Говорят, в одну и ту же воду невозможно войти дважды, – выказал свою начитанность граф.

– Почему же? – Джакометти живо сверкнул глазами. – А

если река петляет? Делает крюк? Тогда достаточно просто пройти по берегу. Срезать путь. Вот и мы так пойдем. По берегу. В прошлое, да... Положите руки на стол, синьор Давыдофф. Теперь вытяните их... Вот так... Любезный граф, велите слугам задернуть шторы. Все эти отблески заходящего солнца мешают... Ага, спасибо, грации. Вы же, синьор, слушайте только мой голос... только мой голос... только мой...

Голос мага звучал вкрадчиво, тихо, завораживал, а перед глазами стояло прекрасное девичье тело, светло-русые, разметавшиеся по подушке волосы, синие чарующие глаза, а над верхней губой – едва заметная родинка...

* * *

– Наружные половые органы сформированы по женскому типу. Волосы светло-русые, средней длины, волосяной покров не нарушен. Глаза... синие... Губы средней толщины... Над верхней губой, слева, родинка размером...

Составлявший протокол осмотра трупа старший следователь СК майор полиции Давыдов попросил у эксперта линейку. Эксперт был свой, криминалист из РУВД, судебно-медицинский еще не прибыл, хотя должен был вот-вот, все-таки убийство...

– А с чего они взяли, что это убийство? – вернувшись с поквартирного обхода, риторически спросил опер Олег Бекетов, капитан из местного отделения, всю жизнь прорабо-

тавший здесь, «на земле».

Румяным своим обликом и повадками Олег сильно напоминал Давыдову гусарского поручика Дмитрия Бекетова. Такой же был заводной. Да, похож, похож... И вот эта убитая девушка тоже похожа... На Ульяну, танцовщицу, похожа! Буквально одно лицо. И еще родинка... Ну как тут не поверить в переселение душ?

– С чего, говоришь, убийство? – Оторвав взгляд от мертвого девичьего тела, распластанного на лестничной площадке между вторым и третьим этажами, Денис посмотрел на опера. – Думаешь, сама упала?

– А что? – принялся горячиться тот. – Что бы и не сама-то? Шла себе шла, задумалась, споткнулась – и вот. Одежда вон целая. Джинсы чистенькие. Кофточка... И вообще – никаких следов борьбы!

– Так голова-то не разбита! С чего б она тогда померла-то?

– Тогда, может, инфаркт?

– Сам ты, Олег, инфаркт, блин! – Денис в сердцах выругался и махнул рукой. – Сейчас эксперт придет, посмотрит. Зуб даю, какое-нибудь телесное повреждение найдет.

Эксперт нашел, следовательно как в воду глядел! Перелом шейных позвонков.

– Скорее всего, просто ударили ребром ладони. Ну, убийца единоборствами занимался или карате.

– Слыхал, инфарктник? – Денис повернулся к Бекетову, но тот сделал вид, что не расслышал. – Что там соседи?

– Да сверху – никто и ничего. А здесь еще не открывали.

Отойдя в сторону, капитан лениво позвонил в крайнюю дверь, по-старинному обитую темно-коричневым кожаном. Такие вот совковые двери по нынешним временам – редкость.

– Ого, сережки-то! – снова нагнувшись над трупом, воскликнул эксперт. – Видали? Крупные какие. Небось, немаленьких денег стоят!

– Ни черта они особо не стоят, – дождавшись подписей понятых – случайно зашедших на свою голову в подъезд парня с девчонкой, – Давыдов убрал протокол в папку. – От силы тысяч пять. Рубликов, не евро. Это фианит, искусственный брильянт, диоксид циркония. Я недавно такие жене на день рождения купил. Бижутерия от Сваровски.

– Это который Серафим? – захлопнув свой чемоданчик, подал голос криминалист.

– Сам ты, Леха, Серафим! – Денис не выдержал, расхохотался. – Серафим – это Саровский, который в пустыне, а это – Сваровски! Однако разница!

– Нет, это не Сваровски, – неожиданно возразила понятая, белобрысая худенькая девчонка в майке с изображением американского шок-идола Мэрилина Мэнсона и рваных до невозможности джинсиках. – Я в ювелирном работаю продавцом, разбираюсь. Это не Сваровски... Настоящий сапфир!

– Сапфир? – сразу же насторожился Дэн. – И сколько та-

кие могут стоять.

— Тысяч восемьдесят... Ну, шестьдесят, уж никак не меньше, — девчонка говорила вполне уверенно, по всему чувствовалось, что в вопросе разбиралась. Даже труп перестала бояться, вот так. — У нас в магазине такие были, разобрали в момент.

— Инте-ерсное кино получается, — поджав губы, задумчиво протянул майор. — Почему же наш убийца такие дорогие сережки не подобрал? Это что же, заказуха выходит?

— Может, и не выходит, — только что вышедший из квартиры старший опер Бекетов хмыкнул в кулак и, пойдя к Денису, понизил голос: — Там, в квартире, бабулька интересная есть. Кое-что слышала.

— Слышала? Так пойдем.

Бабулю звали Феодосия Карповна, и для своих семидесяти шести лет выглядела она на редкость бодро и живенько. Да и квартирка, несмотря на входную дверь, вовсе не носила печать убогого советского быта с вечными полированными «стенками» — предметом нешуточной гордости, — трельяжами и прочей древней требухой. Мебель была достаточно современной, как и плоский телевизор в углу, имелся даже ноутбук, но тут бабуся призналась, что интернетом она овладела еще не совсем.

Войдя, Дэн невольно заинтересовался развешенными по стенам фотографиями, судя по всему, сделанными не так уж и давно.

– Это мы с подругами в Париже, на площади Трокадеро, – охотно пояснила Феодосия Карповна. – Это вот – сами видите – у Нотр-Дам, а вот это – в Италии.

– Хорошо вам, пенсионерам, – завистливо промолвил Бекетов.

– А я не только на пенсии, – старушка заулыбалась. – Я еще и в страховой компании подрабатываю. Хотите, и вас застрахую? От несчастного случая.

– Да застрахованы мы уже...

– Жаль. А то бы... Да садитесь, не стойте. Вон, на диван. Сейчас кофе сделаю.

Феодосия Карповна метнулась было на кухню, но Денис быстро придержал ее:

– Вы лучше расскажите, что именно слышали?

– Так я ж уже!

– Еще разок, пожалуйста. Очень интересно послушать.

– Ну, раз интересно... Слушайте.

Нынешней ночью, точнее, уже под утро (по времени как раз примерно в момент убийства), Феодосию Карповну привлек какой-то шорох в подъезде.

– Я-то не спала уже, вообще обычно рано встаю. Вот и думала, что собаки, они к нам часто забегают, дверь-то медленно закрывается. Думала, собаки, дверь открыла, выглянула, чтобы прогнать. А дверь-то у меня скрипит... Выглянула и вижу – кто-то метнулся вниз, к выходу.

– А на лестничной площадке, ну, наверху... Ничего не ви-

дели?

– Не, я туда и не посмотрела. Да и темновато было. Глаза-то у меня уж не те.

По всему выходило, именно пенсионерка и спугнула неведомого пока убийцу. Но если это обычный гоп-стопник, так выждал бы, потом вернулся. Однако убивать-то налетчику незачем... Так, может, убийство-то случайно вышло? Просто силу удара не рассчитал? Может, и так... А, может...

* * *

– Просыпайся, просыпайся, Денис! Открывай глаза, друже! Вот, молодец, брат. Ну что? Что видел?

Глубоко посаженные глаза Американца прямо лучились участием, откровенно перемежаемым недюжинной толикой любопытства.

– Видел. – Кивнув, Давыдов сглотнул слюну. – Прошрое видел... Багратиона князя...

– Петра Иваныча!

– Его. И еще Кульнева. Ах, ведь какие были люди! Богатыри. И каждый ради простого солдата рубаху последнюю мог снять. Поверь мне, Федя, так и было! Как вставать на постой, Кульнев самую худую избенку всегда занимал... А какие стихи писал! Вот сейчас я подумал, их издать бы!

– Так издадим, делов-то! – налив в бокал вина, заверил граф. – Ты выпей-ка, Денис... Ну, синьор Джакомо! – Поста-

вив перед Давыдовым бокал, до краев наполненный красным бордо, Американец повернулся к магу. – Ну, удивил. Всех удивил. Даже Давыдова, а уж его-то удивить трудно. Верно, Денис? Да ты пей, пей... Какой-то ты бледный... Джакомо, ничего?

– Ничего, – кивнул провидец. – Некоторая бледность имеется, бывает. Пройдет. Хорошо б не вина, а водки выпить.

– Ага, водки? Это мы сейчас... Эй, кто там есть? Тащите-ка живо наливки... И водку, водку давайте. Какая у нас там есть? Только виленская... Сладковата, зараза... За другой послать... Хотя... Денис, виленскую водку будешь?

– Буду.

– Вот и молодец. Тогда у меня и ночевать останешься. Ведь останешься?

– Останусь. Только надо сестрицу предупредить...

– Предупредим. Я пошлю Алеута...

– И вот еще, Феденька, – встрепенувшись, вспомнил вдруг Денис. – Ты секундантом моим будешь?

– А то ж! С кем дерешься-то? И где, когда?

– С Эрдоновым. Завтра в полдень. У тебя в саду.

* * *

Сомнительный... Впрочем, нет, все-таки настоящий князь Николай Эрдонов явился минут за двадцать до объявленной схватки. С ним были два секунданта – молодые пове-

сы из московских дворян, один из которых, повыше и поосаннее, нес приличных размеров коробку, обитую темно-зеленым бархатом. В сем ящике многоопытный дуэлянт Давыдов без труда опознал вместилище для дуэльных пистолетов. Подобные же, естественно, имелись и у заядлого бретера Американца. Настоящий «Ле Паж», или «Лепаж», как писали в России имя сего знаменитого оружейника. Стоило сие оружие очень дорого, для тренировок и войны не использовалось, только для дуэлей. В коробке кроме самих пистолетов, изящных и отделанных серебром, имелись и все необходимые причиндалы, включая шомпол, молоток и даже пулелейку. Каждый из стволов имел свой номер – «1» и «2».

– У меня тоже «Лепаж». – Оценив оружие соперника, Эрдонов холодно улыбнулся. – Если хотите, поменяемся.

– Можно и поменяться, – с безукоризненной вежливостью отозвался Денис. – Если вам так будет угодно, князь.

Меняться не стали, чего уж. Каждый своему оружию доверял, да и дуэльный кодекс в России еще окончательно не сложился, хотя общие правила знали и использовали все.

Со стороны Давыдова секундантами выступали хозяин дома граф Федор Толстой и срочно вызванный князь Петр Вяземский. Тот, примчавшись быстрее ветра, тут же бросился примирять обиженных, однако, поняв всю тщетность своей попытки, отстал, лишь предложив выбрать «какой-нибудь менее варварский способ дуэли». Ну да, ну да, именно так и называли в Европах российские виды пистолетной дуэли –

всякие там «платочки» или «американку», когда стрелялись в упор, когда практически не было шансов обоим соперникам остаться в живых. Кто-то один да обязательно... Хотя как сказать...

Князь Вяземский с ходу предложил либо неподвижную дуэль с двадцати шагов, либо подвижную с барьерами. Эрдонов, как видно, испытывал нешуточное уважение к Петру и тотчас же согласился. Денис же пожал плечами – с барьерами так с барьерами.

Оставив противников наедине, в беседке, секунданты тотчас помчались размечать барьерами подходящую аллею. Искоса поглядывая на приятелей, Давыдов уселся на лавку и безмятежно налил бокал шампанского из стоявшей на столике бутылки, специально по его просьбе принесенной Алетом.

Усмехнулся, предложил нервно прохаживающемуся неподалеку Эрдонову:

– Не хотите?

К удивлению Дэна, тот не отказался, протянул руку... Уж пришлось налить. Выпили. Пусть не на брудершафт, но довольно мирно. Вернув бокал, князь почесал расплывшийся на скуле синяк – след вчерашнего удара – и неожиданно спросил:

– Как это вы так умудрились повалить меня вчера, словно матрешку? Что за искусство такое?

– Обычный бокс, – отмахнулся Давыдов.

– Бокс? Английская забава? Ну-ну...

Больше князь ничего не спрашивал, лишь, желчно ухмыляясь, повернулся спиной...

Стоял чудесный летний денек, солнечный, но не жаркий. Легкий ветерок колыхал ветви акаций, яблонь и слив, неподалеку, в кустах черной смородины и малины, беспечно щебетали птицы.

Между тем секунданты наконец разметили ристалище и подошли к беседке.

– Ну что, господа? К барьерам! – опытный бретер Федор Американец подал команду.

Все сразу же стали невообразимо серьезными, замолчали, и сразу же наступила какая-то зловещая тишина, даже птицы не пели. Хотя нет, все-таки пели, заразы. Им-то что?

В качестве барьеров секунданты использовали садовые грабли, меж которым было, верно, шагов двадцать пять, уж никак не меньше – тут, видно, подсуетился миролюбивый князь Вяземский. И никто ему не перечил. Даже Американец... Похоже, секунданты считали предстоящую дуэль пустой. Ну в самом деле, по сути из-за какой-то непотребной девки! Правда, вслух этого не произносил даже Американец – надо отдать ему должное. Ну, из-за девки... И не только из-за нее... Удар-то! Ах, славный же вышел удар! Как Эрдонов-то покатылся! До сих пор вспоминает, ага... Так ему, паразиту, и надо!

– Господа, сходитесь! – отойдя в сторону, громко скоман-

довал Федор.

Соперники стояли по разные стороны барьеров, шагах в десяти. Каждый сжимал в руке заряженный пистолет – изящный «Лепаж». Впрочем, какой, на хрен, изящный? Эта посеребренная дура весила килограмма полтора минимум! Да по сравнению с этим чертовым «Лепажем» ТТ – просто детская игрушка.

Подумав так, Денис еще больше разулыбался, так вот с улыбкой до ушей и шагал. Соперник побагровел, видно, вообразил себе, что Давыдов над ним потешается! Разозлился, ага... Ну, давай-давай, эмоции при холодном оружии хороши, а при пистолетах всю злость и ненависть лучше засунуть в задницу до лучших времен. Холодный расчет! Терпение, ум и рассудок.

Двадцать пять шагов. Если б было десять, стрелялись бы наверняка. Однако князь Вяземский организовал все по-европейски... Ну да, мы, россияне, не какие-то там варвары, простого смертоубийства не допустим никак!

Двадцать пять шагов... Вообще-то для хорошего стрелка, каким считался Денис, ничто. Однако, если представить вместо врага мишень, то уложить пулю в десятку было бы весьма затруднительно даже для отличного стрелка. Кремневый пистолет – не «стечкин» и не «макаров». Ладно у стрелка всегда рука дрожит – живой человек все-таки, – так еще и ствол, собака, тяжелый, как чугунный утюг, и, самое главное, ударно-кремневый замок. Удар кремня по затравочной пол-

ке... Именно что удар. От него-то ствол и дергается, потому и прицельность ни к черту. Даже с двадцати пяти шагов.

И тем не менее каждый из дуэлянтов надеялся на успех. Впрочем, Давыдов сейчас об этом не думал. Просто тупо шел, шагал себе, делал свое дело. В конце-то концов не он заварил всю эту кашу. А угостил этого хлыща Эрдонова плюхой правильно, за дело. Ишь обиделся! Ну-ну...

Дэн шагал, не особенно торопясь, да и соперник не торопился, так что к барьерам оба подошли практически одновременно. И так же – одновременно – грянули выстрелы. Оба стреляли правильно, каждый держал пистолет, как продолжение руки...

Выстрелы! Грохот, пламя и дым! Что-то ударило в голову, у виска... В глазах потемнело...

«Неужели попал все-таки? – падая, подумал Денис. – Неужели – все?»

* * *

– Так, говоришь, по пивку? – старший опер Олег Бекетов оглянулся на дверь. – И что, можно у вас?

– А у вас в отделении, можно подумать, нельзя! – улыбнулся Денис. – Тем более рабочий день уже кончился... Да и пьянство мы тут не устраиваем. Так, по паре-тройке бутылочек. У меня, знаешь, жена не очень любит... Да и поговорим заодно. На, открывай! Пиво хорошее, дорогое, пробки

не откручиваются.

– Да я понял уже.

Живенько откупорив бутылки поставленным на затворную задержку «макаровым» – способ, испокон века известный каждому сопливному постовому, – Бекетов хитровато ухмыльнулся:

– Вот-вот! Не просто пивка попить позвал... так, по-дружески... а именно что поговорить. Хитрый ты, Дэн!

– Не хитрый, а справедливый, господин капитан.

И дело решим, и пивка хорошего попьем. Что плохого-то?

Олег хлебнул пивка и, поставив бутылку на стол, склонил голову набок:

– Ну? О чем разговор будет?

– О Сваровски! О серьгах тех...

– Ну, и что там непонятного-то? Что там эксперты? Бижутерия? Или все ж дорогая вещьца?

– Дорогая, – покивал Денис. – Как та понятая девчонка и говорила.

– А мы, кстати, камеры во дворе проверили, – вспомнив, похвалился опер. – Есть там парочка подозрительных типов, сейчас разрабатываем.

– Это хорошо. – Со смаком потянувшись в кресле, Давыдов вытянул ноги и поморщился. Новые, под мундир, туфли с утра еще сильно натерли пятки. А все жена, сказала «разнашивай»!

– Хорошо... – повторил Денис. – Но я сейчас не об этом.

Не о вчерашней мокрухе... о другой.

– О другой? – Бекетов подозрительно прищурился.

– Да говорю же, о серьгах! – повысил голос следователь. – Понимаешь, я с месяц назад жене такие же... Нет, не такие же, а фианит, Сваровски купил... И вот выбирал когда, похожие вспоминал, в каком-то деле их видел. И дело-то серьезное, похоже, даже глухарь... Тоже там девчонка какая-то была убитая. Не я дело вел, кто-то из наших... Кажется, Игорь Тихомиров... Так он в отпуске, на звонки не отвечает. Начальство спрашивал, никаких серег не помнят. Ты случайно с Тихомировым тогда не работал? Оперативное сопровождение и все такое...

– Хм... Дай вспомнить... – Капитан задумчиво почесал макушку. – Серьги, серьги... Синие, точно?

– Ну да, синие... Только не знаю, фианит или сапфир настоящий.

– Девчонка, говоришь? Па-да-жди! – Судя по восторженному оперу, он явно что-то вспомнил... Или пытался вспомнить – хоть так.

– Девчонка – серьги. Серьги... синие серьги – девчонка... – Бекетов обхватил себя за виски и вдруг хитро сверкнул глазами. – С пивом – не, не вспомнить. Как-то мысли плывут. Вот если бы для остроты мышления водочки!

– Водочки, говоришь? – Пожав плечами, Давыдов потянулся к сейфу. – Водочки нету... Вискарь будешь? Хороший, «Ред Лейбл».

– Вискарь? Ну, давай.

– Я и себе накапаю. Все равно машина сегодня у жены.

Плеснув на дно стаканов виски, Давыдов ухмыльнулся и пристально посмотрел на приятеля:

– Для остроты ума, говоришь? Ну, вздрогнули.

Выпив, закусили таблеточками «Тик-так», также завалявшимися в сейфе. Свежее дыхание облегчает понимание, как-то так...

– Так вот, о девчонке, – взбодрившись, потер руки Олег. – Было такое дело, да. Месяца три, что ли, назад, у железной дороги труп обнаружили. Девчонка. С переломанной, кстати, шеей. Покопались, но ни одного подозреваемого не установили, так и списали на несчастный случай. Да там, скорее всего, так и есть: в крови алкоголь обнаружили, да и девчонка из неблагополучной семьи. Как говорится, группа риска.

– Да бог с ней, с девчонкой... Серьги-то на ней были?

– Так были ж! – Бекетов протянул руку к пивной бутылке. – Да, помню, синенькие. Но драгоценные или этот твой... как его...

– Фианит.

– Да... Не скажу, не знаю.

– А экспертом кто был? – чокнувшись, осведомился Дэн.

– Так, скорее всего, Михалыч... – Опрокинув стакан, капитан невольно поморщился и бросил в рот сразу две горшинки «Тик-така».

– Э! Э! – охолонил его Давыдов. – Закуску-то не тран-

жирь! Больше ничего нету. Ишь ты, сразу две заглотил. Не опер, а крокодил какой-то!

– Сами вы, господин майор, крокодил! Еще пивка открыть?

– Да, пожалуй. Так что там с экспертом?

– Ну-у, наверное, все-таки Михалыч. Хочешь, так я ему позвоню? У него ж память – сам знаешь.

– Позвони, сделай милость. А пиво я сам открою... Пистолет дай!

Пока Денис занимался пивом, Бекетов все же дозвонился до эксперта. Судя по разговору, тот долго не понимал, что от него хотят, но потом вспомнил...

– Да, да, Рехматова Екатерина, так, кажется, ее и звали, – подмигнув приятелю, обрадованно закричал капитан. – Серьги у нее такие были... синенькие. И даже справка из ювелирки есть, копия. Михалыч, ты в компе-то глянь, будь другом! Не, присылать не надо. Так, словами скажи...

Положив смартфон на стол, опер потянулся к пиву:

– Сказал, перезвонит... Так, говоришь, ты без машины? Придется на метро.

– Так и ты, что ли, без колес?

– А кто пиво пить звал? Сам знаешь, как сейчас в главке на это дело смотрят. Злые какие-то настали времена, недобрые.

Эксперт позвонил минут через пять. Сунув пустую бутылку под стол, Бекетов приложил трубку к уху:

– Ну, что там? Ага... Весь внимание! Сколько-сколько?

Одна-ако...

Покачав головой, капитан посмотрел на майора почти совершенно трезвым взглядом:

– Знаешь, сколько у бедной девочки серьги стоили?

– Ну?

– По прейскуранту – восемьдесят шесть тысяч девятьсот девяносто девять рублей пятьдесят копеек! Сапфир в обрамлении белого золота! Вот так!

Тут уже и Давыдов не выдержал, протянул:

– Одна-ако!

Однако и на этом дружеские посиделки не закончились. Не успели друзья опустошить и полбутылки «Ред Лейбла», как смартфон Бекетова снова заиграл какой-то затейливый кавалерийский марш. Это снова оказался Михалыч, эксперт. Правда, теперь он не звонил, просто скинул фоточку...

– Вот эта самая убитая девчонка. – Опер поднес экран к глазам Дэна. – Глянь.

Девчонка как девчонка. Красивая, даже мертвая. Молодая. Светлые волосы, карие глаза... Очень знакомое, кстати, лицо... Как там ее зовут? Катерина? Черт! Катенька! Катенька Изольдова! Убитая недавно балетная, из бывших крепостных... Господи... Одно лицо! И та, что в подъезде, вылитая танцовщица Ульяна. Даже родинка имеется, как и у той... Боже, боже, бывает же так! И что все это значит? Какой-то знак?

Глава 2

– Господи! Да как же так может быть? Как же так?

Денис резко распахнул глаза, поднялся, почувствовав легкое головокружение. Да, еще сильно саднило под левым виском.

– Черт... Где это я?

– Ну, слава богу, очнулся! – радостно воскликнул граф Федор Американец. – А мы уж послали за доктором. Скоро должен быть.

– Кстати, сопернику своему ты прострелил руку, – подойдя, сообщил Петруша Вяземский. – Его увезли уже... Но больше князь к тебе никаких претензий не имеет. Вполне удовлетворен.

– Князь? Ах да, Эрдонов... Так он все же умудрился меня подстрелить! Ну, хват, однако.

– Ты, брат, лежи, лежи, не шевелись. – Американец заботливо укрыл раненого пледом.

– Да что мне лежать-то? – громко возмутился Денис. – Ну, царапина же, в самом деле. Право же, лишь в голове звенит.

– Вот! Все-таки звенит же! Ага, ага... – Граф Федор выглянул в большое французское окно веранды, в которой на оттоманке и возлежал раненый дуэлянт. – Вот, наконец, и доктор. Мы, брат, за твоим знакомым послали, чтоб, ежели что...

Прибывший доктор, Афанасий Михайлович Мезенцев, сосед Давыдовых по Пречистенке, констатировал скользящую рану – ту самую царапину на левом виске, – кою тут же замотал бинтом, ну и велел на всякий случай полежать денька два-три.

– Может, у вас, Денис Васильевич, еще и сотрясении мозга! Да, небольшое, но очень может быть.

Несмотря на все уговоры Американца, Дэн все же отправился домой, причем немедленно, с доктором, тем более что тот как раз и явился на собственной бричке, запряженной смирной каурой кобылкой. Так вот, неспешно, и потряслись по мощным улочкам-переулкам, любуясь одетой в строительные леса красавицей Москвой. Люди здесь жили степенно, не суетно, никакого сравнений со столицею! В палисадниках многочисленных частных особнячков росли яблони, груши и сливы, во множестве зеленели смородина и крыжовник, изредка встречалась и алыча, но это уже среди истинных садово-огородных гурманов.

– И все же хорошо у нас, в Первопрестольной, – втянув полной грудью медвяный московский воздух, не выдержав, признался Денис. – Куда лучше, чем в Петербурге.

– Да уж, куда лучше! – подогнав кобылку, тотчас же согласился Мезенцев. Согласился и продолжил, растягивая слова со всей старомосковской важной неторопливостью: – В столице-то, однако, да-а-а! Суета кругом, суета. А здесь у нас, на Москве-матушке, ох, красота! Воздух какой, яблони... Ну

разве ж тут и не жить? А, Денис Васильевич?

– Да здесь только и жить! – тут же с энтузиазмом поддержал гусар. – Отстраивается Москва, хорошеет! Чай, не всю пожгли французы.

– Да уж, не всю.

– А что та несчастная девушка? Ну, которую у Хитровки застрелили, помните? – неожиданно осведомился Давыдов. Понимал, конечно, что доктор вряд ли что может знать, однако... Однако же пациентов у него хоть много, но и молодых дев на Москве пока что убивали нечасто... Нет, убивали, конечно же, но не так часто, нет. Кто-то что-то мог и рассказать по время приема.

– Ах да, – вспомнив, Мезенцев погрузстнел. – Славная, говорят, была девушка. Веселая. Как бишь ее... Кажется, Катерина...

– Да-да, Катенька Изольдова, – подтвердил Дэн. – Не поймали еще убийца?

– Да нет! О том и в газетах писали, что, мол, идет следствие. В «Московских ведомостях» именно так и написано, а уж они зря трезвонить не будут. Сыскали бы убийцу, так бы сразу и написали: мол, нашли.

Давыдов тут же покивал:

– Ну, это понятно.

– Я ведь и редактора сей газеты хорошо знаю, князя Петра Иванович Шаликова, – ухмыльнувшись в усы, похвалился Афанасий Михайлович. – Он у меня как-то насморк лечил.

– Князь Петр Шаликов? – встрепнулся Денис. – Литератор? Так и я ж с ним знаком! Но так, шапочно... Он больше с Вяземским, с Петром... Да-да! – припомнил гусар. – Вяземский мне про Шаликова и рассказывал. Мол, тот женился на какой-то немке, которая курит и пиво пьет!

– Так и есть. – Доктор невозмутимо подогнал лошадку. – На немке. В православном крещении – Александра Федоровна. Господина Лейсена, майора Георгиевского внутреннего батальона, дочь.

Вот это уже Дениса Васильевича, честно говоря, не интересовало. С кем там этот Шаликов живет, пьет ли его супруга пиво и курит ли – до всего этого не было бравому гусару абсолютно никакого дела. Однако ж беседу Давыдов поддерживал, надеясь получить хоть какую-то информацию об убийстве несчастной девушки. Так похожей на ту... в будущем... с синими сапфирами... которую тоже убили, да. Как-то это все связано, что ли. Будущее – с прошлым. Прошлое – с будущим. Кстати, не надо забывать, что там, в будущем, еще и другую девушку убили. Ту, что как две капли воды походила на юную танцовщицу Ульяну!

– Так Шаликов-то ничего о том убийстве не рассказывал? – со всем деланным безразличием, как бы между прочим, поинтересовался Денис. – Дело-то, однако, громкое!

– Громкое, согласен! – Мезенцев согласно кивнул и почмокал губами. – Однако пока ничего. Да! Кажется, следственный пристав Уваров им занимается. Третьего Сумско-

го полка отставной майор.

Сестрица Сашенька, завидев перебинтованную голову дуэльного героя, сразу принялась хлопотать да охать. Все было бы еще хуже, коли б господин доктор не соблаговолил проводить раненого лично, дать необходимые советы, а заодно успокоить и Сашеньку, и переполошившуюся дворню. Особенно переживал верный слуга Андрюшка, веселый рыжеватый малый, испытанный друг и спутник Давыдова во время всех войн.

– Ах ты боже ж ты мой, барин! Вот ведь незадача какая приключилась! Как же ты, Денис Васильевич, голову-то не уберег?

– Да рассказал уже! У Федора стали с гостями в жмурки играть, вот лбом о притолочину и приложился. – Соврав, Дэн еще и посетовал: – Аж искры из глаз!

– То-то и оно, что искры, – никак не унимался слуга. – Это все потому, что меня рядом не было.

– Ну, ладно, ладно! – Медленно поднимаясь по лестнице в опочивальню, Денис Васильевич растроганно похлопал верного холопа по плечу и не преминул тут же заверить, что уж в следующий раз обязательно возьмет его с собой.

– А сейчас отдохну малость. Сашенька, душа моя! Вели кваску принести.

– Тебе какого кваску, голубчик? Малинового или, может, хмельного?

– Ой... А, пожалуй, хмельного, сестрица. Да, от хмельного не откажусь.

Испив кваску, Денис вытянулся на софе, да так вот как-то незаметно и заснул, настолько крепко, что проснулся лишь на следующий день утром. Было еще рано, часов шесть, за окнами тоскливо наяривал дождик.

– Вот ведь незадача! – накинув на плечи стеганный, с кистями, халат – шлафрок, посетовал Денис.

И впрямь с погодой, похоже, сегодня не повезло, а ведь Давыдов планировал все же навестить следственного пристава Уварова, чтобы дать показания, а заодно и выяснить хоть что-то по делу об убийстве Катеньки Изольдовой, невольным свидетелем которого он оказался. Очень уж его смущала эта похожесть Катеньки с той убитой девчонкой из будущего. К тому же опасность могла грозить и его новой пассии Танечке Ивановой, она ведь тоже, как и Катенька, была из балетных.

То обстоятельство, что еще буквально вчера он имел связь с юной танцовщицей Ульяной, Дениса Васильевича ничуть не смущало, как не смутило бы никого из местных дворян. Ну, пошалил с простолюдинкой, подумаешь! Что тут такого-то? Кстати, и Танечка Иванова тоже была не особо благородных кровей. Просто уж очень сильно прикипела она к сердцу гусара. Такая вот арифметика выходила.

Допив остатки вчерашнего кваса, молодой человек распахнул окно и довольно улыбнулся, заметив в разрывах синих туч лазурные осколки неба. Похоже, что этот утренний

дождик зарядил отнюдь не на весь день, так что можно было и собираться, ведь казенные учреждения Москвы по неписаной традиции начинали работать рано, а вот закрыться могли в любой час.

Давыдов уже было собрался позвать слугу, да велеть подавать завтрак, однако вдруг услышал донесшееся с улицы через сад цоканье копыт, а присмотревшись, заметил за кустами остановившуюся напротив ворот коляску. Кто-то в гости пожаловал... Однако раненько!

Любопытствуя, Денис Васильевич высунулся в окно почти по пояс, так и забыв снять ночной колпак. Ранний гость уже мерил торопливыми шагами дорожку, кутаясь от дождя в плащ.

Кто ж это такой-то? На Американца вроде бы не похож, да и не станет он в такую рань подыматься... Черт! Неужели же... Ну да, так и есть! Узенькие пошлые усики, смазливое лицо. Николай Эрдонов, князь! Враг вчерашний! Интере-есно, почто пожаловал?

Внизу, в людской, призывно зазвенел колокольчик...

Или не пускать? Ну правда, какого черта он тут спозаранку шастает?

Так вот Денис Васильевич и подумал – расслабленно и вальяжно... И все же победило любопытство! Такие люди, как Эрдонов, просто так не являются! Видать, имелась для сего раннего визита причина, и довольно веская.

Бросив ночной колпак в угол, Давыдов распахнул в дверь:

– Эй, кто там есть? Андрюшка! Слышу, гость пожаловал. Так не томи на пороге, проводи в кабинет... Я сейчас буду!..

– Это не я! – едва Денис Васильевич появился на пороге, с ходу промолвил князь. – Я тут ни при чем, клянусь. И вообще эту ночь провел дома, в постели... Рана-то, вашею милостию, ноет. Вот и домашние все подтвердят...

– Да что не вы-то? – Давыдов никак не мог взять в толк. – Что случилось-то? В чем вас обвиняют? Объяснитесь!

Растрепанный и, похоже, не выспавшийся визитер часто заморгал, а затем, усевшись на стул, нервно расхохотался:

– Ульяну сегодня ночью убили, знаете?

– Как убили? – опешил Денис. – Танцовщицу?!

– Задушили шелковым шнуром... – Эрдонов нервно покусал губы. – У себя, в кровати. Судя по всему, залезли в окно.

– Так что же... – Гусар никак не мог поверить в случившееся. – Выходит, ее дома жизни лишили?

– Дом у нее один, – недобро осклабился князь. – Веселый. Как и занятие... кроме танцев. Впрочем, у нее и танцульки веселые... Были! Нет, это честно не я... Хотя прищучить ее собирался, да. Украла у меня с неделю назад одну вещицу... Ну уж теперь-то точно концов не найдешь!

– Так вам вещицу жаль, не девушку? – Денис Васильевич возмущенно растопырил усы и уже собирался указать незваному гостю на дверь...

Однако тот и сам уже поднялся на ноги:

– Да нет, господин Давыдов, и девушку жаль тоже. Хотя и была она та еще штучка, однако – да: весела, незлобива... И ведь красива, чертовка, уж этого не отнять! Мадам Ревякина на похороны деньги собирает, заеду сейчас, отдам.

Отвесив прощальный поклон, Эрдонов надел шляпу и вдруг обернулся на пороге:

– Так вы, говорили, бокс? Обязательно подыщу себе учителя! Вот заживет рана – и подыщу. Может, еще и побоксируем с вами. Хорошенькое дело! Нет, ну право же. Одним ударом – в кусты.

Была нужда с тобой боксировать – так вот и хотел сказать Дэн... Однако же не сказал: кажется, Эрдонов сейчас был с ним вполне искренен. Невиданное дело, как сказал бы Американец – экшн!

– А вы-то откуда про танцовщицу знаете? И что это за дом? Где?

– Дом... Заведение мадам Греко на Волхонке. Да друг ваш, граф Федор, там свой человек. А про Ульку узнал... – Тут князь ухмыльнулся. – Вам скажу, мы ведь с вами теперь почти как братья. За девочками с утра коляску послал. Кучер Потап пустой вернулся, все и обсказал. Сейчас вот заеду сам, гляну...

– Пойдите! – рванулся Денис. – Обождите чуток. Я сюртук накинута – и с вами. Ежели вы, конечно, не против.

– Да не против, поехали... – Равнодушно пожав плечами, визитер поправил на голове шляпу и пробурчал: – Только не

понимаю, вам-то это зачем? Впрочем, поступайте как знаете.

Мадам Греко (в миру – Ираида Семеновна Грекова, из московских небогатых мещан) приняла гостей довольно любезно, несмотря на то что в алькове убитой уже хлопотали какие-то полицейские чины – вахмистр и рядовые солдаты. Ну, правильно, подумаешь, проститутку убили. Нешто самому приставу заниматься? Да упаси боже! Хватит и рядовых.

– Ах, ах, милый князь, первый раз у меня такое! – Мадам Греко – пухленькая блондинка с необъятным бюстом и следами былой красоты на круглом крестьянском лице – жеманно поджала губы. – Задушили, говорят, шелковым шнурком! Ну, от балдахина. А ведь никого у нее сегодня не было!

– Как не было? – вскинул брови Эрдонов. – Но ведь кто-то же ее задушил? Не дух же святой! Не дьявол!

– Ну да, кто-то был, – хозяйка борделя торопливо закивала. – Ох, не знаю, что теперь и будет... Сошлют, верно, в Сибирь.

– В Сибирь не сошлют, – успокоил хорошо знавший законы Денис, – но заведение ваше прикроют. И еще придется заплатить штраф.

Давыдов был прав. По всем законам Российской империи именно так и выходило. Легализация проституции, желтые билеты и все такое прочее – это было еще впереди.

– Ох, ох, – потрясенно заохала мадам Греко и даже, пытаясь вызвать сочувствие, пустила слезу, однако желаемого

не добилаь.

– Ничего, денег у вас на все хватит, – жестко осадил князь. – И на штраф, и на взятки судье, и на апартаменты новые... Да и высокие покровители, я чаю, найдутся. Так ведь, уважаемая Ираида Семеновна?

Мадам еще больше скривилась:

– Ой, ой! Да какие там у меня деньги? Какие покровители? Ну вы, Николай Петрович, и скажете...

– Так мы, может, пройдем в альков? – предложил Давыдов. – Посмотрим.

– Да, да! – Эрдонов охотно закивал. – Заодно я б и вещицу свою поискал. Вы, Ираида Семеновна, проводите...

– Ой, но там же полиция!

– А вот об этом не беспокойтесь, – заверил Денис.

По узенькой лестнице они поднялись на второй этаж, в альковы, в самое сердце изысканной продажной любви... или – в средоточие греха, тут уж кому как нравится. Как бы то ни было, а вокруг оказалось довольно чисто и мило. По стенам коридора, обитого темно-бордовым штофом, были развешаны изящные картины в золоченых рамках, в основном изображавшие наяд, триад и прочих не слишком одетых женщин. Кроме них еще имелись и пейзажи, на взгляд Денис – слащавые.

– Это у вас что же, настоящий Ватто? – внезапно восхитился Эрдонов. – А вот это – Пуссен... Да, Пуссен, узнаю его манеру! Откуда это здесь, у вас?

– Друзья подарили. – Хозяйка борделя явно уклонялась от разговора и, вероятно, желала бы поскорее спровадить не в меру любопытных гостей.

– Друзья-а? – издевательски протянул князь. – Да с таким друзьями сам черт не брат!

– Однако, господа, вот, – мадам Греко указала рукой на приоткрытую дверь почти в самом конце коридора. – Вот ее комната. Слышите, полицейские ходят? А всех остальных девочек я по номерам разогнала.

– Господин вахмистр, генерал-майор Давыдов! – войдя, коротко представился Денис.

Вахмистр, здоровенный малый с вытянутым лицом и недобрый взглядом, резко обернулся... и вдруг улыбнулся, растянув рот до ушей:

– Господин генерал-майор! Денис Васильевич! А я ж вас помню... Да и вы, верно, помните. Финляндия, Або... Да – к Аландским островам, по весеннему-то ледку! Жаль их благородия генерала Кульнева, до сего дня не дожил.

– Да, жаль... – Давыдов и сам был рад встретить старого служаку, которого, конечно, не знал и не помнил... Самое главное, что тот его знал и помнил. Так ведь и признал, и вспомнил же!

– Ну, и что тут у вас такое, вахмистр?

– Ах, Денис Васильевич, дело труба... – Вахмистр поморщился, словно от зубной боли. – Сами видите, вон.

Нагая танцовщица, прикрытая одеялом, смотрела мерт-

вым взглядом куда-то вверх, на потолок... На тонкой шейке ее виднелась коричневая борозда – след от шнура.

– Шнурком задушили. Вон он, шнурок, от балдахина... Шелковый, крепкий.

Дознаватель показал шнурок с таким видом, будто собирался его тут же продать и весьма даже недешево.

– Шнурок, говоришь? – переспросив, Давыдов недоверчиво склонился над трупом. – А ну дай-ка!

Взяв в руки шнурок, Денис приложил его к шее убитой... и торжествующе обернулся:

– Ну?

– Шнурок-то узенький... – выдохнул вахмистр. – А след на шее – широкий. Видать, не этим шнурком задушили... Не понимаю, а зачем тогда этот сорвали?

– А затем, милый мой, – наставительно произнес Дэн, откидывая с трупа одеяло, – чтоб подумали, будто все случайно произошло. Ну, в ходе ссоры, на почве внезапно вспыхнувших неприязненных отношений. Такое ведь на Москве случается, и, увы, не редко.

– Чтоб подумали... – эхом повторил дознаватель. – А на самом деле?

– А на самом деле... Очень может быть, что убийство сие задумано и спланировано заранее. Кому-то очень сильно девочка помешала... Окно вон распахнуто... Мадам Греко! – Денис обернулся. – В принципе, могла она сама кого-то через окно впустить?

– Да могла, чего уж. – Мадам развела руками. – Я уж как с этим ни борюсь, а все тщетно! Хитрые все, в обход меня хотят денежку заиметь. А я ведь им, Денис Васильевич, как мать родная!

Бандерша пустила было слезу, но, наткнувшись на презрительный взгляд Эрдонова, продолжала с прежним спокойствием и цинизмом:

– Да вот хоть Ульянку эту взять! Я ведь ее не неволила, сама пришла, попросилась. Голь-шмоль ведь была, а сейчас? Вон, шкатулка-то, там не одни стекляшки да пуговицы!

– Шкатулка? – насторожился Эрдонов. – А ну-ка, дайте-ка ее сюда!

– Да она, барин, пустая! – Протянув ящичек, вахмистр усмехнулся в усы. – Убивец, видать, все и забрал. Все драгоценности.

– Все, да не все. – Дэн указал на тонкую руку несчастной. На запястье все так же поблескивал золотом браслетик с изображением женщины с головой змеи, Мерт-сегер, древнеегипетской богини мертвых.

Дознаватель озадаченно почесал голову:

– Ну, это, верно, убивец позабыл снять. Или спугнул кто.

– Верно! Кто-то мог и спугнуть, – покивал Денис. – Вы уж поищите, братцы. А вы, господин Эрдонов, могли бы и сказать, что именно ищете. Если это, конечно, не тайна.

– Да какая там тайна! – цинично прищурился князь. – Ожерелье жемчужное, или, по-французски говоря, колье.

Матушке покойной принадлежало, как память хранил. А Ульянку позвал – ее тут мамзель Кики кличут, – напились, сели в карты играть... Вот и поставил на кон матушкино наследство! Проиграл, чего уж. После хотел выкупить, так Улька такую цену заломила!

– Да уж, деньги она любила, – покивала бандерша. – Но так-то девка была неплохая, веселая и без всякой злобы. Безобидная, жила себе... И вот нате вам, труп...

* * *

Следственный пристав Николай Николаевич Уваров, по поручению обер-полицмейстера Москвы занимавшийся убийством балерины Катеньки Изольдовой, принял Давыдова довольно холодно. Бравый гусар решил было взять сию крепость с наскока – все расспросить, все узнать... Однако ж не тут-то было! Среднего роста, весь какой-то неряшливый, узкоплечий, с большими седоватыми бакенбардами, Уваров вовсе не собирался нарушать тайну расследования и делиться ею с посторонним. Ну, генерал-майор, и что? Мало в России нынче генералов?

– Вы уж, батенька, не обижайтесь, но ничего я вам не покажу, – вежливо, но строго отрезал Уваров. – И не скажу ничего, вдруг да прознает кто, и тайна следствия до преступника дойдет. Скажете, быть такого не может?

– Да нет. – Денис Васильевич натянуто улыбнулся. – Рве-

ние ваше служебное я уважаю и ценю. Однако думал помочь...

– Помочь, говорите? – переставив с места на место массивное пресс-папье, пристав побарабанил пальцами по столу, покрытому темно-зеленым казенным сукном, и исподлобья глянул на собеседника. – А и помогите! Если вдруг узнаете что... Отчего ж нам от помощи отказываться?

– Да вот и я того же мнения! – обрадовался гусар. – И в дознание ваше лезть не буду – боже упаси. А как что узнаю, то, конечно же, сразу к вам...

– Ну, вот и договорились! – Николай Николаевич с видимым облегчением вздохнул и поднялся со стула, как видно, намереваясь поскорее выпроводить незваного посетителя.

Ну, конечно, только залетных генералов в его расследовании и не хватало! Что ж, полицейского можно было понять. Собственно, полиции в современном понимании – с разделением на уголовный розыск, участковых или, там, патрульно-постовую службу – в те времена еще не было. Полиции не было, а министерство имелось! И – обер-полицмейстеры в крупных городах. Ну а как же в таком деле без чиновников да без канцелярий обойтись?

Крупные города обычно делились на так называемые полицейские части, а те, в свою очередь, на более мелкие участки со своими приставами. Корпуса жандармов тоже еще не существовало, были капитаны-исправники, следственные приставы, да им в помощь солдатушки или, вот, вахмистр.

А тут – нате вам! Целый генерал-майор!

– Договорились! – Поднявшись на ноги, Давыдов вежливо наклонил голову и, уже уходя, на пороге спросил: – А что там насчет сережек и всего такого прочего? Украдено или осталось при трупe? Я-то хоть при том и был, да не помню уже.

– Остались, – скупo ответствовал полицейский чин. – Кстати, вас же по этому делу допрашивали. Я канцеляриста посылал.

– Ах да, приходил мальчик... – Денис Васильевич развел руками. – Кажется, третьего дня приходил.

И впрямь приходил, кое-что записывал...

– Так что чердак мы еще разок осмотрели и всех, кто том доме жил, проверили, – похвалился Уваров. – Как видите, и мы не лаптем щи хлебаем.

Денис искренне похвалил:

– Да уж, не лаптем. Молодцы!

– Однако более того сказать не могу, – снова замкнулся пристав. – Уж извиняйте, любезнейший государь, служба.

– Да понимаю я.

Выпроводив наконец надоедливoго посетителя, Николай Николаевич пригладил бакенбарды да, пододвинув поближе массивный чернильный прибор, изображавший знаменитую баталию при Полтаве, принялся что-то быстро писать, после чего вызвал к себе сотрудника следственной канцелярии, коллежского регистратора Ивана Минькина, сублительного и

при этом весьма толкового юношу лет двадцати.

– Вот что, Ваня, давай-ка беги к господину полицмейстеру. Я тут кое-что накропал. Передашь. Все понял?

– Как не понять, Николай Николаич!

– Тогда ноги в руки – и беги... А то ходят тут, понимаешь, разные генерал-майоры.

Дэн, естественно, этого разговора не слышал, а выйдя из казенного присутствия, занимавшего отдельно стоявший двухэтажный дом, велел кучеру гнать к Петру Вяземскому. Не просто так, навестить, а еще и попросить князя поскорее свести его с Петром Ивановичем Шаликовым, редактором «Московских ведомостей». Раз уж через полицию не удалось ничего узнать, тогда попробуем через прессу!

Дело сие, в отличие от следственного пристава, сладилось на удивление быстро: князь Петр Вяземский давненько уже собирался занести в редакцию очередной свой стих... или фельетон, тут уж было не важно. Так вот вместе с Давыдовым и поехали.

Шаликов, несколько растрепанный, с выбившимся из-под жилета модным французским галстуком-бантом, встретил гостей весьма любезно. Едва те зашли в кабинет, Петр Иванович тотчас же повернулся от конторки, стоя за которой, что-то писал, да так вот, с пером в руках, и приветствовал невзначай заглянувших друзей.

– Ба! Какие лица! Рад, рад. Отдельно приветствую славного пиита Дениса Васильевича. Небось, хотите что-нибудь

опубликовать?

– Да, признаться, еще не думал, – откровенно пояснил гу-сар. – Хотя да, наверное, хотелось бы.

– Не сомневайтесь, поможем.

Шаликов положил перо на конторку, слегка поклонился и, приложив руку к груди, посмотрел на Вяземского.

– А ты, князь, верно, стихи принес?

– Да нет. На этот раз прозу. Очерки.

– Очерки – это хорошо! – обнадежил редактор. – Напеча-таем, обязательно напечатаем. Не в этом номере, так в сле-дующем. Но, – Петр Иванович ласково погрозил князю паль-цем, – правки вы не избегнете, это уж факт!

– Да что ты, любезнейший тезка... – Вяземский несколь-ко смущенно покривил губы. – Когда я от правки-то отказы-вался? Вы – газетчики, вам и карты в руки.

– Вот-вот. – Усадив гостей на стоящую рядом с конторкой софу, Шаликов кликнул служку и попросил подать чаю. – О том я и говорю. А то, господа мои, мода пошла писать этикие перлы, этикие словесные кружева плести, что одно предложение аж на полстраницы растягивается! Это ж чи-тать невозможно. Пока-а пробежишь глазами... О! Вот и чай! Спасибо, Анфиса.

Принесшая чай девушка в сером капоте и пелерине скромно потупила глаза. Трепетные ресницы ее вздрогнули, синие глаза с любопытством глянули на гостей.

– Может, еще чего хотите, господа?

– Нет, нет, ступай. Обедать мы все равно ко мне поедем... А? Не откажете же, друзья мои? Ведь не откажете?

– Да уж... – Вяземский и Денис переглянулись, и князь махнул рукой. – Да уж, коль ты, Петр Иванович, зовешь, так и быть, заедем в твои пенаты. Коль уж там такие нимфы встречаются! Я про Анфису твою...

– Из моих крепостных, – хлебнув из фаянсовой, расписанной цветами чашки, похвастался Шаликов. – Хорошая девушка, умница. И грамотная – весьма, весьма. На корректуру ее хочу посадить... Вот ей-богу!

Вежливо допив чай, Давыдов наконец задал главный вопрос, ради чего, собственно, сюда и явился:

– А что, любезнейший Петр Иваныч, ты криминальную хронику-то ведешь?

– Какую-какую?

– Ну, про убийства там всякие... Вот недавно девушку убили. Где-то у Хитровки...

– А! Как же, как же, об этом мы писали! – Редактор взмахнул рукою, едва не пролив чай. – Там еще старуха какая-то хотела браслетик покойной прижучить и серьги...

– Старуха, говоришь? – Давыдов тут же вспомнил старую ведьму Феклу Матвеевну, ту, что приглядывала за апартаментами, снятыми Майковым для своих балетных дев. Именно туда направлялась несчастная Катенька Изольдова... Там ее и отпели.

– Так что старуха?

– Хотела покойницу обобрать – да попалась. Привратник уследил, донес. – Шаликов покачал головой. – Вот ведь, и среди простых мужиков порой честные люди встречаются.

– Ну, может, она с ним просто не поделилась? – усмехнулись в усы Денис. – А что за браслетик, серьги? Вещи дорогие иль так?

– Да уж не дешевые, ежели верить тому, что привратник про них рассказал. С ним как раз Анфиса беседовала... Кликнуть?

– Ну уж, Петр Иванович, позови.

Привстав, Шаликов взял в руки лежавший на конторке колокольчик и позвонил. На зов тотчас же явилась Анфиса, встала напротив стола, склонив голову:

– Что-то еще, господа?

– Ты, Анфиса, садись, – Шаликов кивнул на венский колченогий стул, один из трех, что стояли рядом возле входной двери. – Помнишь привратника? Ну, по убийству...

– Да, помню. – Девушка кивнула, трепетные ресницы ее дернулись. – Он старуху еще за руку поймал... Правда, как-то все дело уладилось.

– А что за браслетик был? – Денис покусал усы, чувствуя, что, скорее всего, придется ехать опрашивать привратника. Анфиса ведь браслета не видела...

– Золотой, с египетскими иероглифами и женщины с головой змеи, – неожиданно пояснила девчонка. – Насколько я понимаю, Мерт-сегер, древнеегипетская богиня, хранитель-

ница покоя мертвых.

– Откуда про нее знаешь? – удивился Давыдов.

– Месье Шампольона читала. – Анфиса скромно потупилась и добавила, что браслетик-то, видать, необычный, вот привратник его и запомнил и во всех подробностях описал.

Одинаковые браслеты! У обеих убитых девушек – одинаковые браслеты. Это же след, явный след... Знак смерти! Наверное, надо бы сообщить об этом Уварову... Впрочем, тот не лаптем щи хлебает...

Денис Васильевич все же решил заехать в апартаменты, поговорить с привратником и старухой. Может, что-то еще кроме браслетиков и сережек имелось, какое-нибудь писмецо...

Две девушки – два браслета. Как там, в будущем, сапфировые сережки. А что это значит? А значит это одно – общий любовник! Ну, или просто хороший знакомый... Хотя нет, просто знакомые девушкам дорогушие браслетики-серьги не дарят. Любовник, любовник – тут и думать нечего! Наверняка он богат и при власти, а несчастные девчонки что-то про него такое узнали, скорее всего случайно, что-то такое, этакое, за что всенепременно нужно было убить! Чтоб не разболтали.

* * *

– Не было никакого письма! Вот ей-богу, не было – Фекла

Матвеевна перекрестилась на висевший в углу образок Николая Угодника.

Засиженный мухами, дешевый, из тех, что продают со своих лотков офени, образок выглядел как-то не очень нарядно, и гусар все же не поверил старухе. Может, и была при покойнице какая-нибудь записка, так ведьмища эта разве скажет? С другой стороны, а зачем ей скрывать-то? Какая такая выгода? Выгода... Хм-м...

– Ты, Фекла Матвеевна, не хитри. – Пристально взглянув на собеседницу, Давыдов вытащил кошель. – Ежели было что – скажи. Я у тебя письмецо то выкуплю. Гривенник дам... Да что там гривенник – двугривенный!

Сумма по тем временам была царская. Дюжину яиц можно было купить. Или целый пуд соломы, будь у бабки коро-
ва...

Желтое, высохшее почти до состояния воблы лицо старухи исказилось гримасой досады. Видно было, что, ежели б что-то подобное имелось, письмецо или какая-нибудь завалященькая записка, то Фекла Матвеевна явно прельстилась бы деньгами, отдала бы с радостью. Если б было что...

– Значит, не было, – вздохнув, Денис Васильевич разочарованно покусал ус, однако кошелек убирать не торопился. – Может, привратник?

Старуха недобро хмыкнула:

– Эта сволочь-то? Да он и не успел обыскать, за мной, гад, шакалил! Мх-х... – Фекла Матвеевна грязно выругалась и

вдруг замолкла, задумалась. – Вы, барин, двугривенный-то обещали...

– Так, значит, было что-то? – встрепнулся гусар.

– Не, никакого письма не было. Зато браслетик, редкий такой, дорогой... – Бабка облизала тонкие злые губы.

– Ну, про браслетик я знаю.

– А я ведаю, кто бы мог знать, оттуда он у Катеньки объявился! Кто подарил...

Денис прищурился:

– Ну? И кто ж это может знать?

– Двугривенный! – протянула руку старуха.

– Ну, бог с тобой, на!

В тусклом уличном свете, проникающем через давно не мытое окошко прихожей, сверкнула монетка... тут же и исчезнувшая.

– Танечка Иванова, балетная, с Катькой вась-вась была, – шепотом поведала бабка. – И еще балерун ихний, поляк. Хлыщ такой, что при школе... как бишь его...

– Глушковский. – Давыдов неприязненно скривился. Балетмейстер Адам Глушковский, довольно приткий молодой человек без всяких моральных правил, откровенно ухлестывал за всеми балетными, естественно, не исключая и Танечки. Набить бы ему морду, давно напрашивается!

Однако старуха права: и Танечка, и Глушковский, и прочие балетные вполне могли знать, откуда появился браслетик. Не может такого быть, чтобы юная девушка да не похва-

лилась перед подружками столь изящной и дорогой вещцей. Да и девчонки – любопытницы – увидев, спросили бы.

– А ты, Фекла Матвеевна, откуда про поляка знаешь?

– Кто-то из дев жалился, – желтолицая ведьма поджала губы, отчего еще больше стала похожа на воблу, – мол, приставучий он, поляк-то... Все время ведь с ними. Танцевать учит, да и так... Болтают там все без умолку.

Вот это – да, вот это – правильно. Давно надо было опросить и балетмейстера, и всех балетных... Денис этого не сделал, понадеялся на полицию... И впрямь, чего в не свое дело вступать? Кто ему эта Катенька Изольдова? Да никто. Ну, жалко, конечно, девчонку, но... Как говорится, с глаз долой, из сердца вон. Другое дело сейчас, после убийства Ульянки. Теперь, похоже, нешуточная угроза нависла над всеми балетными девушками, не исключая Танечки Ивановой. Ах, Танечка, Танечка... Пепельно-русые волосы, густо-зеленые большие глаза, словно омуты – тянут, тянут...

Ах, влюбчивым оказался гусар! А может, оттого это, что не шибко-то везло ему с женщинами? Да что сказать, уж скоро тридцать, а до сих пор не женат! Хотя... он все же не какой-нибудь там простолюдин-лавочник, а особа дворянского звания! Это девки в восемнадцать лет уже староваты, их-то замуж в тринадцать-пятнадцать лет старались выпихнуть, что дворянок, что крестьянок. И все же... Пусть с Софьей тогда не сложилось, но... Ах, Танечка, Танечка...

Выйдя из дома, Давыдов уселся в коляску и сначала по-

ехал домой – обедать. По пути, да и за обедом тоже, все размышлял, думал о произошедших событиях и о том, какие действия ему стоит предпринять, чтобы вычислить убийцу. Для начала сейчас важно было решить, каким образом и где опросить балетных? Их загородное обиталище – своеобразная общага, – зорко охраняемое неподкупным цербером Украсовым, для этих целей явно не подходило по той простой причине, что проникнуть туда не имелось никакой возможности... Любая попытка однозначно вызвала бы скандал. Разве что упросить Майкова... Тот, верно, и разрешил бы, да только вот впутывать в это дело лишних людей Давыдов пока что не собирался. Оставалось одно: напроситься все к тому же Майкову в гости, на загородную дачу, в его домашний театр.

Для этой цели Денис использовал своего дружка Американца, человека, вхожего в Москве в любое общество. К идее приятеля граф отнесся с энтузиазмом:

– А что? И съездим, развеемся. А то Ульяновка эта... Жалко девуку! Я на похороны червонец дал.

Червонец... Давыдов запоздало подумал, что и ему было бы неплохо тоже что-нибудь дать... Однако уже поздно. Родственников у покойной танцовщицы не было, а на том свете денежки ни к чему. На том свете – ни к чему. Но свечечки поставить да молебен за упокой души заказать можно! И памятник на могилку.

– Памятник, говоришь?

На давыдовской тройке друзья уже выбрались за город, и Денис сам не заметил, как начал рассуждать вслух. Что сему способствовало – то ли общее его возбужденное состояние, то ли красоты подмосковной природы, – бог весть. Вокруг и впрямь тянулись места, так и просившиеся к какому-нибудь художнику на картину. Наезженная дорога то ныряла в леса, то шла лугами. Величественные дубравы сменялись буйным разноцветьем цветов. Рвались к небу лиловые ракеты кипрея, раскачивались волнами на ветру белые заросли кашки, голубели на лугах васильки, белели ромашки, а вот из-за поворота бросилась в глаза ярко-желтая россыпь лютиков.

– На памятник – да, я тоже скинусь, – покусывая соломинку, задумчиво покивал Федор. – И того более! Я тут подумал, надобно за поимку злодея награду пообещать. А, брат? Как мыслишь?

– Награду – можно. – Денис согласно кивнул головой. – Только тайно, тем, кто дознание ведет. Иначе, друже, ежели будем по секрету всему свету кричать, непременно спугнем лиходея.

– А вот тут ты, брат, прав, – тихо вымолвил граф. – Признаться, об этом я не подумал.

Друзья приехали к Майкову еще засветло, где-то часов в шесть пополудни. Аполлон Александрович, радостный, с загорелым лицом, встретил гостей со всем своим радушием:

– А проходите, проходите, други! Сейчас перекусим с дороги, а потом уж и спектакль, и пир...

– На весь мир? – обнимая хозяина дачи, хохотнул Американец.

Майков не особенно-то и смутился.

– Ну, не так, чтоб на весь мир, граф... Но почти! Из Москвы князь Петр Вяземский обещал быть...

– Петруша? Что ж он нам-то не сказал? Ехали бы вместе...

– Так он, верно, в последний момент решил. А кроме него еще соседи мои приедут, помещики. Супружницы их, племянницы, дочери... Так что, государи мои, компания собирается нескучная! Вон, слышите, уже едут.

Подмигнув, Аполлон Александрович дал распоряжение слугам проводить друзей в летнюю трапезную, сам же отправился встречать других гостей, среди которых имелось немало весьма титулованных особ. Даже соизволил пожаловать московский обер-полицмейстер Ивашкин, правда, явился не в мундире, а в партикулярном платье, и весь был из себя такой душка, окруженный дамами.

Князь Петр Андреевич Вяземский приехал не один, а в компании с редактором Шаликовым. Приятели так вчетвером и уселись, заняв задний ряд. Домашний театр директора Императорских театров Аполлона Александровича Майкова располагался в просторном бревенчатом здании, как видно, специально для того и выстроенном. Обширная сцена, портьеры темно-красного бархата, ряды мягких кресел. Вышколенная крепостная прислуга разносила лимонад и шампанское.

Гости – их было не так уж и много – вели себя не совсем так, как при посещении обычного городского театра, а скорей, по-домашнему. Раскланивались, переговаривались, смеялись. Еще бы, здесь все друг друга знали, чужих практически не было.

Рассевшись по креслам, собравшиеся несмело захлопали в ладоши.

– Сейчас начнем, друзья! – Аполлон Александрович, как гостеприимный хозяин и устроитель всего данного мероприятия, неспешно поднялся на край сцены, встав перед занавесом.

Откашлялся и, как добросовестный конференсье, объявил:

– Уважаемые мои гости. Друзья! Нынче осмелюсь предложить вам один веселый водевиль на темы греческих мифов. В главной роли наша прима – Антонина Ивакина!

Услыхав имя модной в этом сезоне танцовщицы, все принялись аплодировать.

– И кроме нее, – дождавшись конца оваций, продолжил Майков, – я, как и всегда, представляю вам наших обворожительных девушек, воспитанниц Московского театрального училища.

– Шарман! Шарман! – обрадованно закричали гости.

Как видно, балетных девчонок здесь хорошо знали... Да многие ради них, собственно говоря, и ездили! Правда, и обеды (а точнее сказать – ужины) у Майкова были весьма

вкусны. Да еще, окромя всего, и общество! Посмотреть красочный музыкальный спектакль с красивыми юными актрисами, потом откусать и выпить, пообщаться, поиграть в карты... Да за все это местные помещики Аполлону Александровичу памятник должны были б нерукотворный воздвигнуть!

Подумав так, Давыдов усмехнулся, но тут же взгрустнул, вспомнив еще об одном памятнике – надгробном. Тот же Майков наверняка войдет в долю. Если вообще не заказал уже чисто на свои средства. Надо будет спросить.

Крепостной оркестр заиграл бравурную мелодию, занавес под бурные аплодисменты раздвинулся, явив гостям молоденьких полуобнаженных танцовщиц, одетых в коротенькие греческие туники. Среди девушек блистала прима – Антонина Ивакина, томная красавица лет тридцати, со жгучим цыганским взглядом и еще сохранившейся осиной талией. Поговаривали, ей покровительствовал сам господин обер-полицмейстер. Верно, потому сюда и явился... Один, без супруги...

Что изображали танцовщицы, Денис как-то не очень понял. Скорее всего, судя по прикрепленным к спинам девочек крыльям, это была знаменитая пьеса Аристофана «Птицы». По ходу действия балетные порхали и пели, высоко скидывая ножки. Приглашенная же звезда изображала кого-то из грозных греческих богинь – Афины или Геру. Денис, впрочем, на премьере почти не смотрел, как и не особенно

вникал в сюжет, не отрывая глаз от своей пассии – Танечки Ивановой. Ах, какая талия, какие ручки... Платиновые волосы, чудные зеленые глаза, чудная восторженная улыбка...

Оркестр играл все быстрее, девушки танцевали, подпрыгивали, обнажая стройные ножки... куда больше, нежели требовали правила приличия. В каком-нибудь городском театре они бы, конечно же, так не плясали... Ну а уж здесь, среди своих...

Публика была в полном восторге, устроив по окончании представления столь бурную и продолжительную овацию, что хлебосольный хозяин высказал вслух все свои опасения за целостность антуража.

– Ах, моя Терпсихора! Несравненная! – На выходе из театра Давыдов подловил-таки свою пассию, томно поцеловав ручку. – Ты нынче прекрасно танцевала, ма бель! Впрочем, как и всегда. О! Я так надеюсь на нашу скорую встречу, так...

– Ах, Денис Васильевич, вы смущаете бедную девушку, – позволив своему воздыхателю еще раз поцеловать ручку, Танечка округлила свои чудные изумрудно-зеленые очи... Ну ведь бывают же такие! Просто чудо какое-то, поистине – чудо.

– Так мы с вами встретимся? – не отставал Денис. – Скажите же, когда?

– Вы ж сами знаете... – Замедлив шаг, девчонка прищурилась (весь разговор уже проходил в саду, на аллее). – Не так важно – когда, как – где.

Действительно, этот вопрос встал весьма остро. Похоже, Танечка была готова встретиться с Денисом тет-а-тет, но в самом-то деле – где? Пригласить юную балерину домой, на Пречистенку, по тем временам считалось бы верхом неприличия. Все московское общество, весь свет непременно осудил бы не только самого Дениса Васильевич, но и его сестру – по сути-то она нынче и была хозяйкой городского особняка Давыдовых. Конечно же этого молодой человек не хотел. Но и терять Танечку... И так уже голову из-за нее потерял!

Тем более, кстати говоря, у танцовщицы нужно было кое-что выпросить. Этак ненавязчиво, аккуратно...

– А может быть, на природе? – Вот она, поистине спасительная мысль! – В самом деле, ма шер, пуркуа бы и не па? Смотрите же, какие чудесные погоды стоят. У меня коляска, поехали на прогулку... Устроили бы пикник на берегу какой-нибудь речки, искупались бы...

– Говорите, на речке? – Пышные ресницы дрогнули, глаза сверкнули изумрудом. – Ах, Денис Васильевич, честно сказать, я бы со всей радостью...

– Так в чем же дело?

– Боюсь, не отпустят, – опутив глаза, со вздохом призналась девчонка. – Нас ведь, знаете, как здесь стерегут...

Денис Васильевич с досадой покивал головой:

– Да уж знаю. Смотритель ваш, господин Украсов, истинный цербер!

– Э, как вы его! – негромко рассмеялась Танечка. – Вот

ж точно цербер. Или... собака на сене! Как у Лопе де Вега, драматурга гишпанского... И сам не... и другим не дает... Ой! – Девушка вдруг сконфузилась и покраснела. – Я, кажется, лишнего наболтала...

– О, нет, нет, что вы! Все правильно, все так и есть. Так когда же, когда? – Давыдов пылал нетерпением, словно совсем юный кадет, типа старого своего знакомого Коленки Розонтова. Впрочем, тот был не кадет – гусар, да что там! Гусар гусаров! Нынче Коленка где-то в Пруссии... Служит... Да и Денису, по идее, давно надо бы туда... Надо. Да как уехать-то, как? Когда тут такое... такая... Ах, не забыть бы продлить отпуск! И в самом-то деле – не забыть.

Танечка между тем покусала губу:

– Когда? Да по мне – хоть уже завтра. Но... Вы не сказали – где?

– Так на природе же! У речки! – подкрутив усы, напомнил гусар.

Девушка хмыкнула:

– Да поняла, что у речки... Другое волнует – как? Как вы меня вырвете? Ах, ну, право же... Хотя бы на пару часов!

– Сделаем, – истово заверил Денис. – Я... Я придумаю, как... Вот, кстати, вас могут пригласить на... на спектакль...

– Так это – всех.

– Или, скажем, навестить заболевшую маменьку...

– Маменька моя, Денис Васильевич, чтоб вы знали, давно умерла!

– Ох, пардон, пардон, милая Танечка, извините...

– Маменька умерла... – Танечка быстро осмотрелась вокруг, словно бы вдруг задумала какое-то недоброе дело. – А вот тетушка – нет. Она ведь, чай, и заболеть может...

– Понял! – живенько сообразил Дэн. – Как зовут тетушку? Где живет?

– Марья Федоровна Савыкина. Кабатеево, Тверской губернии село...

– Марья Федоровна Савыкина, – запоминая, эхом повторил гусар. – Село Кабатеево.

– Надеюсь на вас. – Танечка крепко сжала руку Дениса, и тот уже собрался поцеловать ее на прощанье... Однако помешали...

В конце аллеи послышался смех, появились балетные и их поклонники...

– А вон и Танечка! Эгей! Собираемся, едем уже.

– Что, и на ужин не останемся?

– Забыла? Завтра спектакль!

– И впрямь, завтра в Москве играем! – озабоченно прошептала актриса. – Ну что же, прощайте, Денис. Вернее – до встречи. Значит, как только получу от тетушки письмо...

– Так и будьте готовы!

– Всенепременно, мой друг.

Махнув рукой, Танечка рассмеялась и побежала догонять своих.

– Красивая девушка, – кто-то произнес совсем рядом,

вполголоса.

Дэн резко обернулся, увидев позади себя незнакомца в синем двубортном сюртуке и французских, с пуговицами, панталонах. Лаковые штиблеты, скромный галстук, темный жилет... Не сказать, чтобы такой уж франт. Однако одет изысканно, дорого. Вряд ли из местных помещиков... Хотя, может быть, гость. Лицо этакое неприметное, вытянутое, но не слишком, с небольшими усиками и бородкой. Светлые, слегка навывкате глаза, коротко подстриженные волосы... Скорее, шатен...

– Позвольте представиться – Станислав Петрович Ураковский, помещик... Нет, нет, не из местных, просто приехал в гости в Москву.

– Давыдов... Денис Васильевич...

– Дальше можете не говорить. – Новый знакомец рассмеялся. – Тот самый? Поэт?

– Тот самый, поэт, – склонил голову Дэн. – Как говорится, прошу любить и жаловать.

– Очень приятно! Нет, право же, не ожидал встретить вас здесь. Безмерно рад! А эта девушка... Девушка и впрямь красotka!

Последние слова Ураковского почему-то пришлись Денису не по душе. Давыдов даже поморщился, и его собеседник, заметив сие, шутливо понял руки:

– Умолкаю, умолкаю... Так вы идете на ужин?

На ужин Денис пошел. Но чуть позже, дождавшись при-

ателей. Вместе с ними за стол и сел... Новый же знакомец расположился где-то на другом конце длинного, уставленного многочисленными яствами стола и с кем-то, наверное, общался. Давыдов к нему больше не присматривался, лишь спросил у Американца, кто это.

– Ураковский? Нет, не знаю такого. – Граф повел плечом. – Наверное, из приезжих. В Первопрестольную, знаете ли, нынче многие заглядывают.

Не знали Станислава Петровича и Вяземский с Шаликовым. Похоже, сего залетного гуся здесь вообще никто не знал. Разумеется, кроме самого хозяина – Аполлона Александровича Майкова. У него-то и можно было б спросить, да только зачем? Мало ли кто к нему в гости ездит?

Где-то через полчаса дружеского застолья бравый гусар вообще позабыл о новом своем знакомце. То да се, разговоры-тосты, песни начали петь... И, конечно же, попросили Дениса почитать стихи. Желая сделать приятное хозяину, тот не отказывался. Поднялся, откашлялся... Правда, вышло грустно.

Мне с думой горестной, с душой осиротелой
Бродить вокруг обители твоей,
Угадывать окно, где ты томишься в ней...

Стихи были – да! – все о ней же, о Танечке... И, кажется, это кое-кто угадал. Тот же Американец, дождавшись конца аплодисментов, хлопнул Давыдова по плечу:

– Эй, хорош грустить, брат! Хочешь, так пессию твою украдем. Вот прямо с наскока! Ты только скажи, дружище.

Говоря так, эксцентричный граф ничуть не шутил, и Денис прекрасно знал это. Правда, воспользоваться помощью друга не мог, ведь это вполне определенно вызвало бы скандал и могло повредить успешной карьере Танечки.

– Спасибо, друг! Но, полагаю, я и сам справлюсь...

– Как знаешь! Ах, Денис, Денис, похоже, для веселой компании ты нынче потерян.

Единственное, о чем жалел сейчас Денис, так это о том, что так и не спросил у своей пессии про браслетик. Да что там говорить, не столь долго они и общались, от силы минуты, две... Что ж, в следующий раз. Скорей бы!

Впрочем, удалось переговорить с тем противным хлыщом, балетмейстером Адамом Глушковским. Сей любвеобильный пан ухлестывал почти за всеми балетными девушками и, вне всяких сомнений, заслуживал хорошего удара в морду, однако по поводу браслетика пояснил толково:

– Говорите, браслет? Да-да, хорошо помню. Именно у Катеньки Изольдовой... Ах, несчастная девушка... Такой в египетском стиле браслет. Весьма изящный и очень, знаете ли, недешевый. Уж поверьте, я в таких вещах разбираюсь. Ах, как он нравился Катеньке! Откуда взялся? Ну, конечно же, поклонник подарил! Она даже не знала, кто. Просто на улице, у театра ей вручили целую корзину цветов. Он там и был, браслетик. Вместе с запиской: «Мадемуазель Катерине

от верного друга» или что-то в этом роде. Катенька рассказывала, да я не вникал. Многим нашим дарят, и поклонников, знаете ли, хватает у каждой.

Последнюю фразу балетмейстер произнес с явной насмешкой. Или это просто показалось Денису? Тем не менее хоть как-то да помог.

Значит – поклонник. Да еще пожелавший остаться инкогнито. Да, так случилось. Вполне. Выходит, и у Ульяны тоже был тот же поклонник? Похоже, что так. Жаль, теперь не спросишь. Хотя... Содержательница публичного дома мадам Греко! Да и все тамошние девушки... Их-то и расспросить! Ведь Денис так и не расспрашивал о браслете! Тогда, во время визита совместно с князем Эрдоновым... Как-то не счел нужным, да и не знал тогда, что похожий браслетик имелся и у Катеньки. Да! Мадам Греко и ее девочки... Ираида Семеновна Грекова... Интересно, прикрыли уже ее заведение или не успели еще?

– Федя, дружище! А скажи-ка мне, брат, одну вещь...

* * *

По екатерининскому «Указу благочиния» от 1782 года занятие проституцией (как и сводничество) каралось заключением в смиренный дом сроком на полгода. Впрочем, это мало кого останавливало. Считалось, что первый бордель в Российской империи основала некая Анна Фелкер из Дрез-

дена, и все проститутки были немками. В ходе бюрократической борьбы за нравственность их всех просто-напросто депортировали. Павел пошел еще дальше, по его приказу всех гулящих дев ссылали в Сибирь и заставляли носить желтое платье. Нынче же, при Александре Благословенном, времена пока что отличались куда большим либерализмом. Особо-то никто никого не заставлял, хотя «Указ благочиния» все еще действовал, но в большей мере – формально.

Тем не менее до полной легализации секс-услуг в Империи еще оставалось чуть менее пары десятков лет, поэтому содержатели веселых домов старались особенно не нагнеть – рекламу в газетах не давали и даже не писали на стенах домов номера телефонов жриц любви, как нынче повсеместно принято в Санкт-Петербурге: «Наташа», «Таня», «Хороший отдых», «Релакс» и все такое прочее. Просто телефонов тогда еще не было, не изобрели.

Информация распространялась среди своих, и сие сарафанное радио работало ничуть не хуже Интернета. Адреса нужных заведений знали все, кому надо, включая полицию. Последние, выказывая свое рвение, время от времени прикрывали какой-нибудь бордель, но чаще – крышевали. Со всем как в наши времена!

Заведение мадам Греко на Волхонке, увы, запалилось. Убийство проститутки (да еще прямо в борделе!) скрыть не удалось – вездесущие газетчики слишком уж быстро проводили о столь «сладкой» теме. Полицмейстеру соответствую-

щей полицейской части пришлось принимать действенные меры. Заведение было закрыто... Точнее говоря, просто сме-нило апартаменты, и очень быстро – благодаря покровитель-ству весьма высокопоставленных лиц.

Теперь веселый дом мадам Греко располагался на углу Плотникова переулка, заняв сразу два этажа солидного до-ходного дома, принадлежавшего Серафиму Михайловичу Коробейникову, известному московскому меценату, купцу второй гильдии, по своим капиталам уже подбирающемуся к первой.

Сей честный предприниматель хоть и выстроил на свои средства две небольшие церквушки и одну часовенку, осо-бым благонравием не отличался и веселых девчонок наве-стил уже в первый же день, точнее сказать – вечером. Что уж он там сказал супруге – бог весть, мало ли какие у купца могли быть дела?

Друзья-приятели – Денис Васильевич Давыдов и граф Фе-дор Американец Толстой – приехали на Плотников переулок часов в шесть вечера. Раньше там появляться особого смыс-ла не имело (девочки отсыпались), позже – тоже (уже начи-нались клиенты, подходил «час пик»).

Увидев их, дебелая Ираида Семеновна растянула рот до ушей и тотчас же кликнула самых красивых дев, однако, узнав истинную причину визита, разочарованно развела ру-ками.

– Ах вон вы о чем... Браслетик. Надо же... Да не знаю я,

кто его подарил. И девчонки – вряд ли. Кто угодно мог...

– Нам бы все же с девочками переговорить, – мягко, но с нажимом промолвил Федор...

Мог бы и вообще ничего не говорить, просто глянуть на мадам чувственными своими глазами... На Москве Американцу вряд ли кто мог отказать, тем более в такой пустяковой просьбе. Вот и мадам Греко радушно махнула рукой:

– Да ладно уж, поговорите. Есть у меня один альков, туда и провожу. Девчонок вам всех вместе? Или по одной?

– Не, вместе не надо, – подумав, отмахнулся граф. – По одной – долго... По две давай.

– По две так по две, мои господа. Как скажете.

Ничего толкового девушки не сказали. Да, браслетик тот многие видели, покойная проститутка Ульяна его ничуть не скрывала. Правда, на все расспросы о том, от кого именно сей недешевый подарок, отвечала уклончиво. Почему она так поступала, просветила одна из девчонок. Построила глазки Американцу и Дэну, закинула ногу на ногу и, взяв предложенный бокал с красным вином, томно облизала языком губы:

– Понимаете, господа мои, я бы и сама так сделала. Коли б мне мужик сильно понравился, либо виды б на него имела, либо просто запугал бы, сказал, например, чтоб языком не мела.

– А ты сама-то что думаешь? – искоса поглядывая на упругую девчонкину грудь, едва прикрытую кружевами,

уточнил Давыдов.

– Думаю – второе. – Гулящая отвечала со всей серьезно-стью, однако жемчужно-серые глазищи ее все так же пыла-ли некоей нахальной страстью. Наверное, девушка настраи-валась на рабочий лад.

– Почему – второе? – не отставал Денис.

Девчонка улыбнулась. Стройняшка большеглазая блон-динка, с аристократически тонкими чертами лица и неболь-шими премиленькими веснушками на щечках, она сильно смутила гусара... и, зараза такая, прекрасно это видела.

– Вообще-то я хотела сказать, что второе может быть с первым... – Чуть повернувшись на стуле, красотка кокетли-во выставила на обозрение оголенное плечико.

Давыдов сглотнул слюну:

– Тебя как зовут-то, чудо?

– Ванесса... Но вообще-то я Вера.

Выпроводив очередную девицу, Американец поднялся с дивана:

– Вот что, брат. Пойду-ка я со сторожем побеседую... Эдак с полчаса, да...

На пороге граф обернулся и лукаво подмигнул обоим:

– Надеюсь, беседа пройдет славно. Как говорили у нас на Аляске, в обстановке обоюдного взаимопонимания и друж-бы.

– Ты это о чем, Федя? – весьма фальшиво промолвил Де-нис, глядя, как вскочившая со стула девушка проворно за-

перла дверь на ключ.

Заперла... Обернулась и, погладив себя по бедрам, бросила на бедолагу Давыдова такой зовуще-томный взгляд, противостоять коему не имелось решительно никакой возможности. Да и зачем, к слову, противостоять-то? Когда можно... противoleжать... Денис усмехнулся: в конце концов, гусар он или не гусар?

– Ну что, Вера-Ванесса? Поцелуемся?

– А что бы и нет?

В один миг пылкая девушка уселась к Дэну на колени, обняла, расстегивая жилет... Руки гусара скользнули по спине девушки, стягивающие лиф платья шнурочки развязались быстро, словно сами собой. Под платьем же больше не оказалось ничего, только горячее голое тело, стройное, с шелковистой кожей.

Погладив упругую грудь, Денис помял между пальцами быстро твердеющие сосочки, затем погладил пупок и скользнул к лону. Девушка вздрогнула, прижалась всем телом... закрипела кровать... слышались стоны...

– Ах, миленький мой, – разлегшись поверх покрывала, бесстыдно нагая, Вера вновь облизала языком губы. – А в любви ты весьма искусен! Не ожидала, да.

– Стараемся, – несколько смутился Дэн. Впрочем, чего тут было смущаться-то? Вернее – кого?

Однако вместе с удовольствием не стоило забывать о деле.

– Так что ты там говорила про свою подружку?

– Про Ульяновку-то? – Верочка потянулась, словно кошка, и Давыдов мягко пощекотал ее спинку.

– Ой, как приятно-то... – Девчонка закатила глаза. – Мурр, мурр...

– Так что там с Ульяновкой-то? – напомнил Денис.

– У нас ее называли мадемуазель Кики... И не подружки мы. Мы здесь вообще промеж собой не дружим... – Приподняв голову, Вера посмотрела на гусара серьезным и вполне трезвым взглядом. – Каждая ведь может наябедничать мадам. Ну, когда, как говорят купцы, мимо кассы. Тогда накажут. Иногда – и плетьюми, и пребольно.

– Тебя наказывали?

– Да... Попервости еще... Когда молодая была, глупая... Потом три недели сидеть не могла.

– Молодая, говоришь, была? – усмехнулся Дэн. – Сколько ж тебе сейчас?

– А сколько б ты дал, барин?

– Ну... – Денис откровенно задумался. Действительно – сколько? – Лет шестнадцать, наверное. Да, где-то так...

– Значит, неплохо выгляжу. – Верочка уселась на кровати, скрестив ноги, и засмеялась. – А мне девятнадцать уже. Еще чуть-чуть – и кто на меня польстится? Что делать буду? Самой девчонок нанять, да открыть заведение... Это не столько деньги нужны, сколько связи... Вот все у нас и копят, кто не дура. И связи налаживают.

– А другого занятия, стало быть, нет?

Солнечный лучик, тоненький и золотисто-теплый, проникнув сквозь щель между шторами, упал на плоский животик Верочки...

– Ты это всерьез, барин? – жестко прищурилась дева. – Мне что, в поломойки прикажешь идти? Или в прачки? Труд непосильный, тяжкий, да еще за съемный угол платить... Голодно! Ты сам-то хоть голодал?

– На войне приходилось...

– На войне... – Девчонка хмыкнула. – Ну, разве что. Тогда поймешь, наверное... А прачкой, да на съемном угле... Это каждый будет шпынять... и делать то, что сейчас делают, только, барин, без всякого политесу. Грубо, зло, насильно.

– Ну ты это... не переживай... – Денис Васильевич погладил девушку по бедру. – И не зови меня барином.

Тут Верочка прыснула:

– А как же еще тебя звать, господин хороший?

– Да хоть... господин генерал-майор!

– А ты и впрямь генерал? Хотя... не-ет... вижу... – Девушка провела пальцем по шраму на правом боку Дениса. – Вон тут задело... и тут... Это раны все?

– Раны...

– Бедненький!

– Еще хорошо, что цел... Ладно! Хватит обо мне, – повоенному резко оборвал Дэн. – Ты об Ульяне обещала рассказать.

– Ах, да. О Кики... – Девчонка откинулась на кровать и

задумчиво уставилась в потолок, заложив за голову руки. Так вот она и лежала, припоминала, разговаривала... бесстыдная, восхитительно голая... и вместе с тем какая-то беззащитная, словно выброшенный на помойку котенок.

– Кики, как и я, умная. Деньги, подарки – копила. Да, как ты говорил, вполне могла и в окно кого-то впустить. От кого чего-то ждала. Любовника богатого не выдавала... Зачем? Чтоб другие увели? И еще, верно, от него чего-то хотела... Видать, не из простых дворян любовничек-то, ой не из простых. Иначе б что его так скрывать-то?

– Значит, и Ульяна... Кики... свое заведение открыть собиралась?

– Конечно! – Верочка повернулась на бок. – Говорю ж, не дура. Хотя у нас и дурочек разных полно... Но Кики не из таких, нет... была. Жалко! Надо же, шнурком задушили... Так и любую могут... А что делать? Куда идти?

– А ты вообще из каких?

– Из замоскворецких мещан. Батюшка сапожничал, покуда не умер... Ну а как умер, матушка с нами не сладила. Меня в услужение отдали к одному купцу... Так, мелкий был купчишка. Его сынок со мной и... Силою взял, мне тогда и четырнадцати не было. Потом – и брат его, и папаша тоже.

Снова усевшись на кровати, Верочка зябко задрожала, обхватив себя руками за плечи. Денис заботливо укрыл ее пледом и тихо спросил про браслет:

– Так, значит, никто не знал, откуда он взялся?

– Говорю ж – нет. – Девчонка стрельнула глазами.

– А какая-нибудь закадычная подружка? Не может быть, чтоб не было!

– Не было. – Верочка дернула шеей. – И быть не могло. Мы здесь все на виду. И каждая за другими следит. Каждая свою выгоду ищет. Человек человеку – волк. Да и не люди мы, а так... мусор... Повезет ежели, сами другими командовать будем, сами апартаменты заведем. Ну а нет... Так вскорости и отсюда на улицу выкинут... Тогда, если денег не будет, хана совсем.

– Тоска... – Прижав к себе девушку, Денис нежно погладил ее по голове и тут же, не беря в голову, сболтнул глупость: – Может, кто-нибудь тебя еще и полюбит. Замуж позовет.

– Замуж? – Девушка дернулась, в больших серых глазах ее свернули вдруг злые холодные слезы. – А что я там делать буду? Родить-то уже не смогу. Первого родила лет в тринадцать... сыночка... Его купецкий сын в уборную выкинул... Второго уже не стала рожать, к бабке пошла, выскребла. Третьего тоже выскребла... Ну а потом уж и не понесла больше. Теперь, мыслю – и к лучшему... Что смотришь, генерал? Тварь я?

– Не ты, – погладив гулящую по руке, тихо промолвил Давыдов. – Твари те, кто тебя такой сделал. А купца твоего и деток его я бы...

– Отомстила уже... – Прошептав, девчонка глянула на гу-

сара с вызовом... и тщательно скрываемым страхом. – Но ты – тсс... молчок.

– Да я и не...

– А впрочем, как хочешь. На виселицу – так на виселицу, в Сибирь – так в Сибирь! – Верочка неожиданно захохотала, сбросила с плеч плед и, прильнув к Денису, зашептала на ухо: – Я им, барин, как-то утречком двери-то подперла да дом подпалила. Один дед через окно и выбрался, да еще невестка его... Верно, меня и посейчас ищут. Ну? Ну, что ты смотришь, генерал? Давай же... обними... и целуй меня крепче!..

Одевшись, Давыдов дал Верочке десять рублей ассигнациями. Пусть в пересчете на серебро это равнялось шести рублям, но тоже немало. Это, крестьянину ежели, шесть лет подушную подать платить можно. Или полпуда меда купить – пусть жизнь покажется слаще!

– Много даете, господин. – В одежде Верочка сразу же стала куда строже в манерах.

– Бери, – строго промолвил Дэн. – И знай: я твой друг. Ежели что, обращайся. Всегда помогу.

– Ну... и я тогда твой друг. – Девчонка улыбнулась с неожиданным смущением. – Я тут вспомнила... вот, про браслетик... У хозяина нашего дома, купца Коробейникова, приятель есть, господин Бардин, тоже купец. Так вот, он в старинных вещах толк имеет. Ни один антик на Москве мимо его рук не пройдет.

– Бардин, говоришь? – Почуяв след, насторожился Денис Васильевич.

Верочка покивала:

– Да, Бардин. Антон Иванович Бардин. Наша мадам его знать должна.

* * *

Купца Бардина знали не только мадам Греко и хозяин доходного дома Серафим Коробейников, но и граф Федор Толстой Американец, и князь Петр Вяземский, и его друг Петр Шаликов, тоже князь и редактор «Московских ведомостей», и... Да кто только ни знал! Все. Все общество, кроме, вот, давно не бывавшего в Первопрестольной Дениса.

Антон Иванович считался известным меценатом, торговцем стариной и слыл знатоком рукописного и книжного наследия, старинных вещей, икон. В его антикварную лавку заходили практически все российские историки. Злые языки – тот же Американец и кое-кто еще – поговаривали, что Бардин не только торговал старинными манускриптами, но и изготавливал их копии, начав промышлять подделками еще в самом начале века. В то время знатоков были единицы, а собирателей старины – множество, и каждый хотел иметь в коллекции «вещь».

За такой вот старинной «вещью» – якобы – и отправился Денис Васильевич уже на следующий день, сразу же после

посещения публичного дома. Повезло, хозяин антикварной лавки принял посетителя лично, едва только прозвенел колокольчик над дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.